

Подводя итог, можно заметить, что изображения России в современных американских учебниках мировой региональной географии склонны к «празднованию» поражения СССР в «холодной войне» через выделение проблемного, маргинального, экзотического и фрагментарного за счет отказа от показа исторической преемственности, базисных культурно-исторических периодов и центральных географических знаков суверенной цивилизованности. В своей рецензии на последний опубликованный (1999) учебник по географии России я отметил, что он был не очень удачным в объяснении объединяющих («сущностных») ингредиентов страны: «Минимальный список последних, по моему мнению, должен включать следующее: русский язык, культуру, пропитанную православными привычками и нормами, разделенный исторический опыт, городскую жизнь и столичный город. Среднестатистический житель современной России является русским православным городским жителем, ведущим в значительной мере московцентричную культурную жизнь. Конечно же, труднее писать региональные географические обзоры, следуя этим, на первый взгляд, однородным темам. Но если география есть исследование различий, пространственных вариаций, уникальных черт и исключений разного рода, можно ли тогда наши (подобные географические. – Д. С.) построения рассматривать репрезентативными? Показывая инакость, можно скрыть сущность»⁶¹.

Заключение

Со времен отцов-основателей геополитики как научной дисциплины век назад «низкокультурные» геополитические поля чаще всего находились в тени более традиционных «высоких» дискурсов, идущих от ученых, политиков и других «респектабельных» авторов. Самой общей целью данной статьи являлась попытка участия в растущем корпусе работ в русле критической геополитики, анализирующей геополитические дискурсы, содержащиеся в таких

⁶¹ Sidorov D. Review of: D. Shaw: Russia in the Modern World // Annals of the Association of American Geographers. 2000. Vol. 90. P. 645–647.

медиа-формах, как фильмы, карикатуры, новостные статьи, радиопередачи, Интернет, в туристических брошюрах и многих других аналогичных формах. В данном случае предметом исследования были учебники МРГ и их визуальные изображения бывшего геополитического «Другого», Восточной Европы и России.

Данная статья идентифицирует определенные тропы в визуальных репрезентациях Восточной Европы и России и утверждает, что они не являются нейтральными; скорее, посыл их географических сообщений «натурализирует» доминирующее положение западной части Европы, подчеркивая «разрушительный» советский период и маргинализируя собственную историческую значимость региона, его национальные идентичности и геополитические возможности, альтернативные экспансии Евросоюза на восток. В определенном смысле учебники продолжают празднование американской победы над своим холодновоенным «Другим», хотя представляется неверным строить далеко идущие заключения и обобщения только на ограниченном числе изображений, и автор планирует в дальнейшем включить в рассмотрение тексты учебных пособий.

Восточная Европа и Россия остаются в числе самых динамичных регионов, предоставляя преподавателям одновременно интересные возможности и значительные трудности. На данный момент на книжном рынке США, Канады и Великобритании отсутствуют специализированные учебники по географии Восточной Европы и России, что делает базисные визуальные послания массовых учебников МРГ особенно важными, оказывающими зачастую влияние на мировосприятие, которое сохранится на всю жизнь. Пока неочевидно, что учебники по региональной географии мира будут способны обновить свое визуальное содержание, следуя менее идеологичным и более мультикультурным подходам, адекватным новому постхолодновоенному периоду, эпохе, в которой различия воспринимаются не столько как разделители, но как возможности, где метафоры окраинности и железных занавесов заменены идеями полицентричности и взаимозависимости.

Выявленные тенденции к фокусированию на маргинальном и «отличном» в современных учебниках МРГ представляются не только выражением определенных стереотипов восприятия, но также демонстрацией различий в географии как науке, которая на западе является социальной наукой, опирающейся на критический подход и анализ инакого, в то время как на востоке остается по преимуществу естественной и общегуманитарной дисциплиной с нескончаемым интересом к цивилизационным характеристикам и различным культурным сущностям. Парадоксально, две версии географии были ближе друг к другу во время «холодной войны», чем сегодня.

THE MEANDERINGS OF AN EIGHTY YEAR OLD AMERICAN SLAVIST

Ирвин Уайл. По волнам памяти 80-летнего американского слависта.

Вспоминая свой личный опыт изучения и преподавания славистики, профессор Северозападного университета (штат Иллинойс) и почетный профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва) делится размышлениями о развитии русистики в Соединенных Штатах после окончания Второй мировой войны. Он рассказывает о круге чтения студентов, специализировавшихся в области Russian Studies, а также о содержательном наполнении курсов по русской истории и литературе. Русофил и знаток России, побывавший в ней более 100 раз, Ирвин Уайл вписывает свое личное восприятие другой страны и другого народа в общую эволюцию образа России и русских в американском обществе на протяжении более чем полувековой истории взаимоотношений двух стран.

In the late 1920's and '30's I grew up in the city of Cincinnati, Ohio, a very conservative place when it came to issues of national or international politics. Suffice it to say that in 1940, Cincinnati was the only large city in the USA where a majority of the voting population cast its ballots for the Republican Opponent of President Roosevelt. As one might imagine, there were not many friendly voices to be heard there about the reality of the USSR. Most people in Cincinnati would have had no idea of the distinction to be made between the political term "Soviet" and the national term "Russian". I can well remember the signs in store windows which proudly proclaimed: "America: love it or leave it!" This was openly addressed to anyone who might have sympathies toward the Soviet Union or to any kind of socialist or communist ideas. I also remember the accusatory articles in the local

newspapers toward a few young, presumably misguided people who were plastered with the word “communist.” One of them happened to be a teacher of mine, whom I had always found to be a rather sympathetic person, with a reasonably sensible head on his shoulders. Naturally, I saw all of this with very young and uneducated eyes. I think it very likely that such an atmosphere was typical for the USA at that time.

In 1941, all of this changed radically when the Nazi armies invaded the Soviet Union. Suddenly, it turned out that Russia was a country of heroes, who with their terrible and bloody sacrifices were opposing the hideous Nazi ideology and army. Especially around the time of the Battle of Stalingrad, the choruses of praise for our great Soviet ally reached a tremendous crescendo. Articles in the newspapers, popular songs about Soviet resistance, Hollywood Movies – all of these things portrayed the USSR and Russia in the most flattering possible light. The General Secretary of the Soviet Communist Party Josef Stalin suddenly turned from an ogre into a friendly, pipe smoking Uncle Joe. It was only later that I discovered what the Josef Stalin stood for. This was a very general image throughout the USA at that time. Furthermore, this affected our family quite personally, since both husbands of my older sisters were in the American Army, fighting first in France, then in Germany. My sisters hung on the daily news reports. You can perhaps imagine their joys when they read about the heroic Soviet exploits which relieved some of the pressures on their dear husbands. Pamphlets were left on our doorstep at least weekly, vaunting the virtues of our great Soviet Ally, even while they pictured the depths of Nazi Barbarism in places whose names we began to learn: Auschwitz, Dachau, Theresenstadt, and many others. Needless to say, names like Katyn, Magadan, Kolyma and other Soviet camps of the far northeast were never mentioned. In our local high school, we learned English Language translations of Soviet patriotic songs, whose melodies and words, in both languages, I still bear in my head. Shostakovich became a popular idol, whose works filled the airways, and we never dreamed that he might have had some difficulties with the mighty Soviet Regime.

Having missed military service by about one month, because I reached the minimum age just as the military draft was ended, I entered

the University of Chicago in January of 1947, just as the Cold War was about to begin, and raging fights took place within the more liberal sectors of American political thought. There was still a Student Communist Club on campus, and its members were engaged in a bitter fight with the American Veterans Committee, an organization which had been formed in opposition to the much more conservative traditional Veteran's Group, the American Legion. The AVC was very much opposed to the notion that the Stalinist Government of the USSR could in any way be seen as an ideal model for the USA. To the members of the Communist Club this seemed like evil reactionary propaganda, and the blast furnace heat of the public debates between the two factions reminded a person of the early political polemics from Bolshevik times in Russia.

I was a young student at the time, and my own blissful ignorance made itself felt in every possible political discussion at that time. But then a very powerful blow struck my young imagination: the work of a certain writer named Dostoevsky entered my consciousness, first through a set of brothers named Karamazov, and shortly thereafter by a University of Chicago-like fellow named Raskolnikov. In 1947, this writer forced me to study a language called Russian, with all its attendant grammatical horrors, such as the various uses of the instrumental case and the battle of the verbal aspects, perfective vs. imperfective. I won't even mention the irregular twisting declensions of personal names ending in -ov, -ev, and -in. As you might imagine, this plunged me into abstract grammars like the one written by the Scottish Slavist, Birkett, and into books which took a more gradual approach like the one by Helen Jakobson, the Sister-in-law of the famous Slavic Scholar Roman Jakobson. These preceded, by perhaps a generation, and sometimes several generations the more sophisticated texts of A. Lipson (remarkably original and challengingly different), and the texts produced by American and Russian Scholars working in tandem, sponsored by our National Professional Association, ACTR ¹. All of them were eager to present the Language precisely, at a level

¹ ACTR is the acronym of The American Council of Teachers of Russian and Russian Literature. It is now under the American Councils for International Education (ACTR – in Russian ASPRIAL).

spoken by highly educated Russians, a kind of direct gateway to the glories of Russian Literary Culture. Only somewhat later did they tend to concentrate on the spoken variant of the language, which of course changes markedly over several generations, particularly in a time of intimate international commercial contacts, like the last two decades.

At the same time, back in the middle and late 1940's, I received an introduction into Russian Literary Culture and Russian History. Although I was beginning to acquire the ability to handle sources in the Russian language, most of my reading was in English translation. The three history books I remember most vividly were the ones by the British scholars, Sir John Maynard ² and Bernard Pares ³, the one on the Soviet Union by Frederick Schuman ⁴. Maynard concentrated mainly on the role of the Russian Peasantry and how the country attempted to manage the questions of land ownership after the emancipation of 1861. He introduced us to the concept of the *mir* and continued some of the speculation about how this might play out in the general Russian psychology concerning problems of individualism vs. a sense of the collective. Shuman was very much interested in the development of Soviet Society and generally took a rather friendly approach to the reality of the USSR and its plans for building a different kind of society. For this reason, he was often attacked by more conservative American publicists and scholars.

Even at that relatively early time in my life, I began to understand that the Russian reality was a center of strong polemics concerning big problems of politics and sociology. It seems to me, in retrospect, that our professors at the University of Chicago tried to take as objective a stance as humanly possible toward such hot polemics, since they wanted to train us, or perhaps push us, toward the ability to engage in thoughtful and critical dialogue. In this sense, they were rather far removed from the more popular sources of public opinion, like newspapers, magazines, radio and films. In those places one could

² Maynard J. *The Russian Peasants and Other Studies*. L., 1941.

³ Pares B. *A History of Russia*. L., 1927.

⁴ Frederick Schuman is the author of "Soviet Politics At Home and Abroad" (N. Y. : Alfred A. Knopf, 1946).

feel the ever growing tensions of the Cold War, whose most convenient villain was Russia. Again, most of these people could not separate the historical reality of Russia from the ideological tendencies of the Soviet Union. While the two were certainly connected in some ways, they were hardly identical. The latter statement was forcibly brought home to me by a placard which I saw in front of the Chicago Opera House in those years. It was the evening of a performance of Musorgsky's famous version of "Boris Godunov". The placard was a stirring attack against that horrible Communist Propagandist and the Marxist events which, according to the naive notions of those sponsoring the demonstration, are a part of the Opera. Musorgsky's first name was deliberately changed from Modest to Immodest! As a young student I was somewhat baffled, to put it mildly, about the connection between the False Dmitry of the early 17th Century and the 20th century world of Communist Ideology. Alas, such stupidity and ignorance was not rare in those days, as perhaps, it was and is in our days and many others. At the same time, I was beginning to make my way into the vast world of Russian Culture, both literary and musical.

In those years, the major translations were the work of a remarkable English Lady of the 19th Century, Constance Garnett, many of them re-published by the American Series called "The Modern Library". To be sure, there were the beginnings of more precise and nuanced translations by people like the British Scholar, Bernard Guerney: his anthology, "A Treasury of Russian Literature" has been used for many generations as a sterling example of well translated literature ⁵. We also witnessed the beginning of Vladimir Nabokov's popular work in the USA. I well remember, in the early 1950's, being introduced to that extraordinary personality, and temper, by reading his unique appreciation of Gogol, published by the forward looking New York Publishing House, New Directions. Such unique, and sometimes extremely capricious, critical works started me toward an understanding of the kind of powerful stylistic novelties and deep human insights produced by the great Russian Writers of both the

⁵ A Treasury of Russian Literature / B. G. Guerney (ed.). N. Y. : Vanguard, 1943.

19th and 20th Centuries. While much of this education was going on in the form of English Translations, I was also beginning to read some of the great Russian novels in the original language. First came “Voina i Mir” (“War and Peace”) whose text I literally slaved over for two months, with the help of a well worn copy of Smirnitsky’s Russian-English Dictionary. An amusing result of this occurred much later, in 1960, my first time in the USSR. When I proudly insisted to my Russian Guide that we must speak Russian, not English, he listened for perhaps thirty seconds and then said, in a somewhat aggrieved tone: “But you talk like a character out of Lev Tolstoy!” I replied, “That, my dear comrade, was no mere coincidence!” It took me several years to work my way, linguistically, into the Russian 20th century. Somewhat later, I was able to get through the Russian texts of several novels by Dostoevsky and Turgenev. The poetry of Pushkin came somewhat later, as my grasp of the language and the general reality of Russian Culture began to expand.

All of these things took place in an American environment where the mere mention of the word “Russia” or “Russian” brought about a strong emotional reaction on the part of the listener. Such a reaction could sometimes be one of mild curiosity stimulated by the notion that something new and very different was happening in the country which had been our staunch ally during the War against the Nazis; they were also aware that some people within that country were boasting about the creation of what official propaganda called an entirely different, and more just, social order. Much more often, the typical American reaction would be one of hostility toward a country which they pictured as a threat to our way of life. Such reactions, as naive as they sometimes were, often found resonance in Soviet anti-American propaganda, which could be crude in expressing its own kind of ignorance. Hostility on one side more often than not fed and grew upon the hostility from the other. Still, in the midst of all these emotional currents, I have to state objectively that no one ever tried to stop me from pursuing my growing and sympathetic interest in Russian Language and Culture. On the contrary, almost everyone near to me encouraged what I was doing.

In 1948, for the first time I encountered people involved personally in some of the polemics which I had been studying. I went to New York City to work in the so-called Dramatic Workshop directed by the famous German born theatrical personality Erwin Piscator, who, in Berlin of the 1920's, had been the first to stage the dramatic works of Berthold Brecht. Both of them were convinced Marxists and Communists, and they understood the theatre as a powerfully expressive esthetic instrument for propagating ideology. In the early 1930's, after the Nazi Regime's advent to power in Germany, Piscator emigrated to Soviet Moscow where, among other activities, he produced a Soviet Film. "Rybaki" (The Fishermen). He soon understood the paradox, however, that it was considerably safer to be a convinced Bolshevik in Capitalist New York than in Stalinist Communist Moscow. Piscator found a working home in the so-called "University In Exile", established to receive well known scholars and teachers forced out of Europe by Hitler's decrees. That University eventually became "The New School for Social Research", still operating in New York. Such scholars had an enormously positive effect on the development of the American Intellectual world, and I – like many of my young colleagues at that time – owe a great deal to those teachers, regardless of their ideologies. They brought a whole new world of the mind into my consciousness. Ironically, some of the actions by the world's worst tyrants of the 20th Century had the effect of giving me and my American friends an excellent education.

During that year in New York I was privileged to observe up close, and even to participate in some of the strongest esthetic and political polemics of the 20th Century. Piscator came from a Thespian school which he called "Epic Theatre": like that ancient art form, which presented the lives of epic heroes, he wanted to pursue, from birth to maturity, the lives of what he considered humankind's most important ideas. And he defined these ideas in strongly Marxist terms, although somewhat less dogmatically than official Soviet Literary Ideology. In his notions about dramatic art, the worst possible mistake, or even sin, was represented by the kind of theatre so admired by the leading American Directors: the system developed by the famous Moscow Art

Theatre, founded and formed by the theatrical gods of the 20th Century, Stanislavsky and Danchenko. Ironically, these were the figures whose work and ideas were most supported in Moscow during Stalinist times. And who do you suppose were the teachers and workers in the Dramatic Workshop? Of course, these were people who believed, heart and soul, in the so-called “Stanislavsky Method”. The very word, “method”, in the American Theatre, stood for Stanislavsky’s ideas, developed in his two major books, “My Life In Art”, and “The Actor Prepares”.

Some of the most emotional and useful discussions and polemics I heard in my youth occurred in the seemingly endless debates between Piscator, with his emphasis on the intellect of the artist and the ideological effect of the stage, as opposed to the ideas of our teachers, many of them Russian Emigres and their American Disciples. They all emphasized the emotional memories brought to bear by properly trained actors; ideological effect, in the theatre, was secondary to what they regarded as emotional reality created and projected by such actors. And who was the most powerful literary champion of Stanislavsky’s ideas? None other than one of Russia’s greatest Authors, Anton Pavlovich Chekhov, who has become a kind of god of the 20th Century English speaking theatre, from London to New York, and to places well beyond. It was his “Seagull”, which we studied almost religiously, and which had been hissed off the Petersburg Stage, only to be famously brought to life by Danchenko and Stanislavsky in Moscow, – that work became the rallying cry of our teachers, only to be preemptorily dismissed by Piscator, the supervisor and chief of these very pedagogues! In “The Seagull” there is a scene where the Administrator of the Russian Country Estate, Shamraev, is trying to placate his ultimate boss, the owner of the Estate and also a famous actress, Mme. Arkadina. She wants horses to provide transportation for one of her flings, and he cannot release horses needed for urgent work in the fields. She shows her artist’s temperament by expressing her anger at his philistine lack of understanding for her desires. He is no less angry, although he tries to show respect for her talent, and absolutely refuses to give in. It is a typically Chekhovian situation, where both sides of a miscommunication are right and wrong, each in an individual way.

The followers of Stanislavsky and his method tried to get the actors to experience the situation by using episodes from their own memories, which would reproduce the authentic emotions of the situations. These emotions would be so just and true, that the audience would not be able to resist getting emotionally involved in the scene. Piscator, on the other hand, relied on a rational and intellectual understanding of the situation. In “Romeo and Juliet”, the actor playing Romeo was trying to go through the famous scene where he stands beneath his young lover’s balcony. The Director was not satisfied with Romeo’s stance, so he asked him, “Where are you standing?” The reply: “I’m standing at the base of a wall, under a balcony.” – “And who owns that wall and balcony?” – “The Capulet Family” came the reply. “And what family do you come from?” – “I’m a Montague.” “Well then, how would you approach the wall of a hostile, passionate, and well armed family?” The actor, of course, got the point and went into what he considered a more fearful and cautious mood. For Piscator, it was a matter of understanding and plotting the dramatic effect; he was disinterested in the emotional history of the actor.

I began to understand that one could make good arguments, both for and against, both systems. Each one could produce moving and interesting drama if used properly. If misused, or used excessively, either one could degenerate into dry pedantry and produce the exact opposite of good drama. As even Stanislavsky once is reported to have said: “I don’t care which hook you use, as long as you catch the fish.” And I understood, further, that very often it was the very existence and heat of the polemic which at least partly produced the high quality of the work. It seems to me there is a great deal in Russian intellectual history, both from the 19th as well as the 20th and 21st centuries, that bears witness to this issue. And it was this argument which was brought back to the USA by the young American Directors who went to the Moscow Art Theatre in order to learn from the master. They established in New York the “Actors Workshop” which produced so much of the powerful art that went into some 20th Century Broadway productions and Hollywood Cinematography. They also inspired the continuation of the polemics around the Method, arguments which continue to the present day.

A few years after leaving New York, and with the possession of an M.A. from the University of Chicago, in 1951 I went to the Library of Congress, to work under a remarkable Russian Emigre, Evgenii Mikhailovich Kulischer (his Germanic spelling). He had been a young member of the Kadet (Constitutional Democratic) Party in pre-Soviet Petrograd, and he was a protege of one of Tsarist Russia's leading liberal lawyers, Karabchevsky; my Boss had also been a close associate of another well known Russian Liberal, Vladimir Dmitrievich Nabokov, the Father of the well known Writer, and the man who was assassinated in the 1920's, in pre-Hitler Germany, by Russian Fascist sympathizers.

Evgenii Mikhailovich was one of the world's leading demographers, and he was somewhat skeptical that a youngster from Cincinnati and Chicago could really handle the Russian Language, as well as other European Tongues. His skepticism, expressed in the very old fashioned Russian style, was a kind of goad to me, and I soon found myself deeply involved in Russian demographic sources, as well as issues of the Soviet Press, gathered from far flung parts of the huge geographic mass which was the USSR; I soon learned that it had space enough to include three countries the physical size of the USA, which also was not exactly Luxemburg! I soon learned that in the Stalinist USSR the usual census figures about the country's population were considered to be a closely guarded secret. Consequently, we researchers at the Library of Congress were supposed to work out the actual figures which would have been published in a normal, open Census. I later learned, by the way, that some Soviet bureaucrats and scholars actually used our calculated figures, since they knew that we were aiming solely at the truth of the matter, and they knew the world reputation of Evgenii Mikhailovich. We had to work on the basis of two brilliantly conceived and executed multi-volumed census publications, one of them from 1897, the other from 1926. We also had exactly two pages from the national Soviet Press, published in 1939, three years after the second Soviet census was supposed to have been published. While the earlier two works had been done at least partly, and successfully, to show the great acumen and skill of Russian scholars and statisticians, the period including Soviet Collectivization and Stalin's Purges had produced

demographic results which the Soviet Regime, to put it mildly, was not eager to publicize.

Under the tutelage of Evgenii Mikhailovich, my knowledge of Russian History and Culture began to expand greatly. I learned a great deal about politics in St. Petersburg in the years before World War One, in the early Soviet Years, and – most especially – during the terrible years of World War Two, which the Russians called “The Great Fatherland War”. It would have taken a person without a heart to avoid sympathizing with the Nazi inflicted suffering of the Eastern European Population, including both Russians and many other Slavic and non-Slavic nationalities. At the same time, there was no small amount of suffering inflicted by internal Soviet sources. All of this came as a considerable shock to a young man who had heard a great deal about World War Two from sources in his native Cincinnati, but who had had relatively little previous exposure to the actual sources from the area and personal reminiscences of those who had experienced the suffering in their own lives.

Of course, there was a great deal of propaganda issuing from many different sides. The ugliness of Nazi Propaganda was immediately apparent. The Soviet distortions were less so, since our sympathies sometimes tended to blind us, although the internal contradictions soon became apparent when you looked at the figures and some of the conflicting statements from different periods, when propaganda demands would change. One good example: the materials coming out of periods immediately before and after the signing of the Nazi Soviet Pact of 1939. And this, I hasten to add, includes no attempt on my part to cover up distortions and contradictions which came from the American Side. Through all of this, the guidance and advice of my Boss, himself a product of the old Russian Intellectual Tradition, was enormously helpful and instructive. I heard a great deal of personal reminiscence about Petersburg juridical and social experience, the exigencies of emigration in the inter war period, both in Germany and in France, where there were significant Russian Colonies of highly educated and cultivated people. I also heard penetrating discourses on the natures of radically changing societies. This included a nation which

had a glorious cultural history, based at least partly on top of a population which had been widely enslaved up to the emancipation announced in 1861. The subsequent struggles of Russian Politicians which led to the political earthquakes of the 20th Century entered amply into our calculations of demographic trends apparent in the years right after World War Two. The narratives connected with these struggles reached our eyes and our imaginations, and they had a lot to do with how we viewed Russia. Since the 1950's, of course, Soviet and then post Soviet Russian sources have become far more open, and we no longer have to rely on calculations made on the basis of widely scattered details put together with the help of historical and more or less reliable statistical assumptions. Still, the education obtained by a thorough and wide ranging examination of the Soviet Press and the details of Russian History, supervised by the first rate mind of a man who had lived in the vortex of those storms, provided a good basis upon which an American youth could work toward an understanding of the many faceted reality we call Russia.

My work at the Library of Congress came to an end in 1954, when a grant from the Ford Foundation enabled me to work for a Ph.D. at the Slavic Department of Harvard University. I met there two very different kinds of academic experience. On the one side was the enormous self confidence of the old fashioned New England intellectual upper classes, something rather new to me, with my traditional Midwestern upbringing and background. At its extreme ends, it sometimes seemed to be an expression of boundless arrogance and condescension toward ordinary people and events. This later was to make itself felt in specialists who came to immediate post-Soviet Russia without the slightest background in Russian History, but with ready made solutions for all of Russia's economic and political problems. They were somewhat reminiscent of the Russian students described in "The Brothers Karamazov" who, according to Dostoevsky, impressed their German University teachers with extremely audacious views combined with absolute ignorance; but, give them a blank sheet of paper, and, the very next morning they would come up with a chart of the stars!

On the other side was the chance to hear and absorb at least some of the ideas presented by teachers who worked at the highest levels of humane understanding. Among such people in the Slavic Department of Harvard University, perhaps the most famous and influential was Roman Osipovich Jakobson, a philologist whose work and personality will probably be remembered well into the 21st Century. A product of the famous Russian Formalist interpretation of language and literature, so roundly cursed by official Soviet Philology, he gave a passionately projected version of Russian Language structure and style which made the student reach deeply into the words of everyone from the greatest Russian Writers to their nemesis, Comrade Stalin himself. The speeches of the latter had more in common with Church Slavonic than any good Marxist would care to admit. And Jakobson did all of this using impeccable English syntax and grammar, pronounced with the phonetics of a Hollywood actor doing his best to exaggerate his representation of a Russian accent heavy enough to cut with a knife! The effect on future Russian Language teachers was absolutely unforgettable.

In contrast, and often in opposition to Jakobson was a scion of an old Florentine Family name, Renato Poggioli. A brilliant Italian Slavic Scholar, he had fled Mussolini's Fascists and ended up at Harvard's Slavic and Comparative Literature Departments. His pronunciation of Russian names (try "Goliadkin" with a five syllable Italian lilt, translated as "naked" pronounced as if it were "knocked"!!) was enough to cause a phonetic riot, but his analysis of literature was superb and deeply moving. He was about as far from the ideas of Formalism as it was possible to be, very much in the classical tradition of Italian intellectuals. Yet his understanding of Pushkin's poetry and the prose of Dostoevsky and L. Tolstoy brought the American reader very close to the intents and moral powers of those magnificent writers. It would be hard to exaggerate his effect on future American interpreters of Russian Literature.

Somewhere in between the two of them was Mikhail Mikhailovich Karpovich, who had worked in the Washington Embassy of Kerensky's Provisional Government and then had decided to "wait a few months"

until the Bolshevik business would run its course. Those few months turned into a lifetime career at Harvard University. He also became a kind of patriarch of Russian émigré intellectuals in the USA. His New England Farm became a kind of summer resort for such people, a place vividly described in Nabokov's delightful novel, "Pnin" – one of the least acidulous of the creations by that remarkable Author. Karpovich was the voice of good manners and quiet reason. In his widely heeded presentation of Russian Intellectual History, he insisted on the place of rationality and understanding in the development of Russian Thought. His was the voice of calm and common sense in a Department where the sound of harsh polemic was often heard. And he had the effect of bringing his students to a rather sympathetic understanding of the culture they would teach in the future.

In the midst of all these classically oriented Russian scholars, I had the temerity, and perhaps the naive brashness, to undertake writing a dissertation on the life and work of A.M. Gorky, a writer whom many regarded as the epitome, or perhaps the worst, of the Soviet literary world. Many of them ignored the stylistic and varied political complications of his career, and they took for granted the vastly oversimplified soubriquet of "the great proletarian writer". I shall not try to go into details here, given limited space and reader patience. For those who might be interested, I suggest they read my book published later, in English, by Random House in New York (1966), and in Russian Translation in Moscow (1993). I can only say that many of my Harvard Professors thought this was way out in left field, to use a peculiarly appropriate baseball metaphor, yet no one tried to stop me. There were many objections along the way, some of which caused me to write better than I would otherwise have done. Of course there were also intentionally destructive attacks; but that, too, is a part of life which leads to a somewhat different kind of understanding, equally necessary in its own right.

The intellectual and cultural atmosphere created by the giants of American academic life in the Harvard Slavic Department had a lasting effect on many young people who later went on to present a picture of Russian Culture, and of Russia itself, to tens of thousands of American

students in Universities across the entire USA. I think it would be fair to say that the polemics and open debate aroused by the pressure cooker of Harvard's New England Atmosphere created a kind of intellectual and emotional richness very necessary to a proper understanding of Russia in particular and human life in general.

At about that time, in the early 1960's, I received a privilege which made some basic changes in my entire life. Up to that time, I had been forced to study Russia from afar. True, in 1948 I had the chance to live in France for two months. In Paris, I went to the Soviet Consulate and requested a visa so I could put into practice my one year's acquisition of Russian Grammar. The Soviet Diplomats proceeded to laugh in my face and inquire just what world I thought I was living in. Now, twelve years later, I received the chance to see the real, in-the-flesh USSR. For thirty one glorious days I was free to tread the streets of Moscow and Leningrad, with a several day automobile trip between them, when I visited a kolkhoz, a collective farm. Day and night, I feverishly walked about, talking my head off to any Soviet citizens who had the patience, and the courage, to listen and respond. In those years, most Soviet people had not had the chance to meet real Americans, so I often found myself surrounded by a crowd of people eager to pepper me with questions: they were as eager to find out about me as I was to learn, first hand, about them. What surprised me most, initially, was the obvious friendship and good nature which I encountered. I had always taken, with more than a grain of salt, the American propaganda all around me. Still, nothing had prepared me for the welcome I felt in that glorious summer. They wouldn't even let me experience the classic Soviet experience: standing in interminable lines. Even when I protested that I didn't want special treatment, they simply picked me up, bodily, and thrust me to the head of any particular line I headed for. I later learned, of course, that Soviet people often resented the special treatment handed out to foreigners: why couldn't they received the same good treatment? But to me, personally, they only wanted to show the nature of genuine Russian hospitality. Later on, when Americans would ask me, "Wasn't it dangerous there?", I would reply yes: when two different households

invited me to come on the same day, I would have to eat two full Russian meals. God forbid that I should pass over any course of the meal! That over-indolence in good food and drink could send anyone to a dispensary for treating eating disorders! Of course, I wasn't involved in political argument or debate. Later on, that would provoke reactions of a quite different sort. But this was a chance to meet people on their own turf. And it made me realize the nature of genuine human relationships. Needless to say, such experience created a very specific American view of Russian reality, one which I have never forgotten.

Since that remarkable first visit, forty eight years have gone by, and I have been in the USSR, later the Russian Federal Republic, over one hundred times. I have literally talked with many hundreds of people, going out of my way to corner anyone who would talk with me – sometimes begging them not to talk too fast for American ears educated about Russian declensions of ever changing nouns and conjugations of tricky, sneaky verbs. At certain glorious linguistic times, they would even take me for one of their own, expressing skepticism that I was born not on Volga's banks, but rather on those of the Ohio. My growing experience in Russia is a long story, with many meanderings and jumps. This is not the place to go into detail. Suffice it to say, that we now have established a Russian-American Academic Center at the Russian State University for the Humanities, and many projects of mutual research and teaching have been undertaken. There has also been work in the musical sphere, where Russians and Americans have worked together, and American youngsters have learned to feel the rhythms and force of Russian Poetry, especially Pushkin, through musical performance. I can only say that I don't think Musorgsky or Tchaikovsky has suffered excessively in the process, even if an A sharp or two has been mangled in the chorus. As a result of the early experiences described thus far, I have been able to teach Russian and Russian Literature for well over fifty years.

I have spent the last forty three years at Northwestern University in Evanston, Illinois, a relatively small community adjacent to the third largest city in the USA, Chicago. When I first came, there were those who were timorous about studying the Soviet Union, especially if some

sympathy could be detected in the teaching. Still, the atmosphere might best be described by an incident which occurred fairly early on: a complaining visitor told the university President that one of his faculty was a very bad person. When the President heard the name of the writer of this chapter, whom he knew very well, he asked what was the problem. The complainer replied that this man was a “friend of the Soviet Union”. The President’s response was: “Well, what do you expect – he teaches Soviet Literature; do you want him to hate what he teaches?” And that was the end of the story. I believe it sums up the attitude of our University toward freedom of speech and open debate. If the reader senses a certain pride of university here, so be it! Let me describe the course he was talking about; I do believe it says a lot concerning the attitude of a certain part of the USA toward Russia.

The title was “Introduction to the USSR”, later amended to “...the USSR and Successor States”. In 1966, when I first came to Northwestern University, my senior colleagues recognized how important it was for our students to know something both about 20th Century Russian Literature and about the origins and reality of the USSR. Consequently, we established a course which attempted to bring understanding in an era when popular American Culture was excited about the Soviet Union, but objective knowledge about the place was relatively rare. Our Department decided that I should teach the course, at least partly because – in addition to my knowledge of Russian Language and Literature – I already had considerable personal experience in Soviet Russia. To understand the atmosphere in which we were living at that time, one should remember that many Americans considered “Russia” (they had little knowledge of the difference between the USSR and Russia) the number one opponent, if not enemy, of the USA. There were even people, hardly a majority of the population but certainly a noisy group, who anticipated an imminent invasion of the USA by the Soviet Army. To be sure, there were those who realized this was pure fiction, but the atmosphere was a very charged one. There was even a comic satire in one of the most popular comic strips of that day, “L’il Abner”, which portrayed an actual Soviet Invasion; naturally, it was foiled by the aroused parents of the foolish leftist children who

had brought on the invasion. This was all done in a humorous, fantastical vein, but it clearly represented some popular notions of the time. I decided there were no better descriptions than those available in Russian Literature, in English Translation, to show our students the complexities of life and opinions in the Soviet Union.

To be sure, any genuinely artistic literature involves the author's complicated weaving together of imagination and reality. Artistic literature is neither sociology nor history, although it can use insights from many different branches of human knowledge. Still, any literature, even the strongest fantasy, is somehow connected with the reality in which the author lives, and 20th Century Russian Literature is connected rather strongly, to put it mildly. And I was there teaching the course precisely because I could use personal experience to fill in the background behind the artistic writing which the students would encounter. I deliberately chose authors who represented widely varying views about Soviet Life and Politics. We started out with the first volume of Sholokhov's "Tikhii Don" ("Quiet Don"), with the English title "Quite Flows the Don". I knew that the exciting description of Cossack Family Life and the violence around World War One and the two Russian Revolutions, plus the beginnings of the Civil War, would capture the interest and imaginations of our students. At the same time, our students would get some sense of the many Russians who considered the destruction of Cossack Life a historic tragedy, together with those who believed, heart and soul, in the rightness and truth of the Revolution. And the presentation of the violence was quite vivid and convincing. It was an excellent chance for our students to feel both the excitement and the confusion of revolutionary times in what had been the Russian Empire. We then went over to a view almost directly opposed to what they had just finished reading: a selection of Vladimir Maiakovsky's poems, plus his satiric play, "Klop" ("The Bedbug"). Maiakovsky, at least up through the mid 1920's, considered the Revolution as the culmination of all the positive movements in human history. He was ready to throw literary giants of the past "over the side of the steamboat of history" – I could just imagine Tolstoy and Shakespeare bobbing up and down in the river – all in the name of the

new and vigorous Proletkul't ("Proletarian Culture"). While our students were initially shocked and puzzled by the avant garde quality of a poetry in translation, they did get the sense of excitement and deliberately inflicted shock created by the poet, whom many considered a wonderful enfant terrible. He brought about a certain breezy quality not entirely foreign to the young American temperament. And they were impressed by the Poet's famous paens both to Chicago and to "The Brooklyn Bridge", even when he got his New York Rivers mixed up! Furthermore, our students were familiar with Woody Allen's cinematographic parody of "The Bedbug" – the film was called "Sleeper". Our students then undertook the pleasant task of reading and absorbing a collection of satirical tales by Mikhail Zoshchenko (the English Edition, "Nervous People"). Here was a Soviet Writer who dared to make fun of Soviet Russian Language and Socialist Ideology. To be sure, he had to mask his intentions sufficiently to get past the GlavLit censors; and many of them were not the most perceptive of readers, although in the end – after two decades of his published satire – they caught up with him. Our students began to understand the basis and extent of Zoshchenko's popularity. This was not only a function of his really powerful sense of humor, but also a result of seeing the deep and strong courage of many Russian People who lived under very difficult circumstances. The stories also gave a sense of everyday problems in the Soviet Union: the housing shortage, conditions of health care, the ambivalence toward traditional religion, family problems under great social pressure, etc. Again, there was a considerable amount of comic exaggeration, but it clearly came out of real conditions as they existed in millions of people's lives. It was no mystery why, for our students, Zoshchenko was the most popular writer in the course. It was also a fact, that his writing garnered considerable sympathy for the ordinary people in the USSR and, particularly, in Russia. After subjecting our students to a rather detailed presentation of Soviet Citizens' horrific experience during World War Two, I then had them read Aleksandr Solzhenitsyn's "One Day In the Life of Ivan Denisovich", which I myself had learned about, in detail, through conversations with Kornei Chukovsky. I experienced first hand, in 1963,

some of the excitement of Russian intellectuals, right after the publication of the slender book. Once again, the students were exposed to the considerable courage and humanity of Russian people, together with other nationalities, living under the most terrible circumstances. Of course, there were other, far more despicable human types, and they also said something about the realities of Soviet Life. The whole phenomenon of Solzhenitsyn's career was of course interwoven with an understanding of Russian Psychology, Politics, and History. Not the least of that took place in the years he lived in the small American Town of Cavendish, in the New England State of Vermont. Some Americans were shocked by his critical appraisal of American Reality, from which he carefully hid himself and obviously came to understand very slightly. But that did not diminish the general respect for his courage and his deliberate intention of putting forth his own personal opinion, regardless of how people might react.

All of this reading of work by Russian Authors was supplemented by the analyses of well known American Observers. First of all, naturally, I had a great deal to say about my own Soviet/Russian experiences, starting in 1960, and continuing to the present time. Then, in the early days, I used materials by Patricia Blake and Max Hayward ⁶. Both of them were deeply involved in translating and popularizing 20th Century Russian artistic writing and intellectual argumentation into English. Many of their observations were penetrating and insightful, and their energies were inexhaustible. The same could be said for Carl and Ellendea Proffer ⁷, who set up a kind of Publishing Establishment, at the University of Michigan, for Russian Writers who could not be published in the USSR. On the political and historical side, we read parts of books by Isaac Deutscher, presenting some of

⁶ Patricia Blake and Max Hayward were two editors and translators who brought a great deal of Russian Literature to American readers, including Pasternak and Maiakovsky.

⁷ Carl and Ellendea Proffer established a small publishing enterprise at the University of Michigan. They translated and published many Russian works which could not be read in the USSR. They were especially close to Bulgakov's and Mandelstam's widows.

the polemics leading to the establishment of Stalin's power⁸. We also read R. McNeal's collection of "Bolshevik Voices", including Lenin, Stalin, and Khrushchev. Later we turned to some of the work by a Professor of Russian History at Harvard University Richard Pipes, who also had a position as an advisor to President Ronald Reagan. He generally took a very critical stance toward both Russia and the Soviet Union. One can argue with his opinions, but not with his facts. He is a very careful scholar, and he knows the details of Russian History as very few others do. Professor Martin Malia, of the University of California at Berkeley, wrote several books, among them was "The Soviet Tragedy". In a somewhat more abstract style, as contrasted with Professor Pipes, he deals with some of the political tendencies in 20th Century Russian History; his complex writing style is not for the timid reader. Professor T.H. von Laue, of Clark University, wrote a slender book which eventually became a series of Questions: "Why Lenin? Why Stalin? Why Gorbachev?"⁹. While he made his readers quite aware of the negative sides of the Soviet experience, he also strove toward an objective balance in his analysis: he often examined the question of why these leaders came to power and what were the actual circumstances they were dealing with. Of course, in reading his work, one is reminded of the arguments and atmosphere put forth by Pipes. In the arguments between them, and around them, one can get a vivid impression of what Russians faced in the course of the 20th Century.

In addition to the reading described above, our students watched several Russian Films, and they listened to a selection of Russian Folk Songs, as well as some music composed for Socialist ideological reasons in the 20th Century. Again, these things were chosen to give our young people at least some partially rounded idea of the realities

⁸ Isaac Deutscher wrote a great deal about the life and work of L.D. Trotsky, and he carried out considerable research on how Stalin established his power.

⁹ T.H. von Laue, a Professor at Clark University, wrote a book published in several editions. It examined the careers of Soviet Leaders, including Gorbachev, and tried to construct a completely objective account of how they came to power (Laue T. H. von . Why Lenin? Why Stalin? Why Gorbachev? The Rise and Fall of the Soviet System. N. Y., NY : HarperCollins College Publishers, 1993).

of Russian Life. It was also my intention to instill then with a curiosity to learn more about the profound culture which has come out of Russia. If this would lead to a certain gentle kind of Russophilia, I would not be unhappy, as my students well knew. As a matter of fact, I often get correspondence from former students, partly because some of my lectures on “Classics of Russian Literature” have been recorded and marketed by a Commercial American Firm near Washington, D.C. Thus far, over ten thousand people have listened to them, including some of my former students. From their communications, I know that some informed opinions and genuine curiosity about Russia exist in the USA among the general populace.

The course which I have tried to describe briefly grew into a very large one – with over 800 students enrolled every year, for a period of several student generations. At least among the population in the Chicago Area, as well as in regions across the USA where colleagues and students have gone, the course has played at least some small role in the way informed Americans look at Russia, with what I hope is a reasonable and balanced way, leavened by an attraction, and perhaps love, for the great language, culture, and music produced by those about whom Turgenev once wrote: “It is impossible to believe that such a language was not given to a great people”.

In describing American attitudes toward Russia, I believe it is important to describe the history and some of the activities of an organization formed approximately two generations ago: The American Council of Teachers of Russian and Russian Literature. In 1966, I responded to an invitation by Dr. Anatole Alitan, of Heidelberg University, to represent American Slavic Studies in forming an International Organization for Teachers of Russian. After that Organization (MAPRIAL) took breath, with Headquarters in Moscow, we American Professors formed our own branch. ACTR has since grown mightily, under the administration of its incredibly talented President, Prof. Dan Davidson, of Bryn Mawr College. Under its auspices, thousands of American students and scholars have studied and carried out research in the USSR/Russia, and the operation worked the other way from Russia to the USA. In Soviet times, small numbers

of specially selected scholars came, and since 1991 thousands of scholars and students, including both Russians and other Nationalities, have participated. I have personally dealt with many hundreds of American students who went to the USSR before 1991, and to post-Soviet Russia. Invariably their knowledge has vastly expanded, in some cases in their ability to use the Russian Language, and in all cases concerning their acquaintance with Russian People and the Society in which they live. Through exposure to living with Russian Families, in some cases, and with contacts with opposite numbers in all walks of life, from student and/or research experience in all kinds of professions and arts, these young people and some of the older scholars have built an impression of Russian life from genuine daily experience. I know from talking with many of them that they often went over with considerable curiosity and some fear, and almost all of them returned with deep emotional attachments to individual Russians and their activities. These formerly young people have now grown into adults in many different walks of American Life. Some of them have gone into professions of verbal and written expression, and some have gone into politics. They form a not unimportant phalanx of people who have knowledge of Russia not based only on newspaper impressions or second hand reports. I do not think it is an exaggeration to consider them a kind of leavening force in the formation of American Public Opinion concerning the vast and complicated country spanning two continents and over 6,000 miles of territory. Their voices may not be heard as loudly, or with as much influence, as politicians and journalists, but they nevertheless make themselves felt.

The ACTR Organization has also offered strong support to those of us, both in Russia and the USA, who started the Russian-American Academic Center at the Russian State University for the Humanities. We have committed ourselves to foster the growth of those individuals who are eager to make, insofar as it is humanly possible, an objective study of the history, politics, and culture of the USA. This Institution helps Russian students and scholars sort through the complexities of a country far from Russian experience. It also helps, in no less a measure, American students and scholars to see our own country through the

prism of foreign experience. As my American Colleagues have stated many times, this process is just as important as looking at ourselves from inside the country. And it may well help us to make a more balanced assessment of our own country, when we see it both from the outside and the inside. Finally, it might be of some use to list a few books and sources used in the USA to understand and analyze Russian History, Politics, and Culture.

The list below is necessarily limited, only a tiny fraction of the thousands of American materials devoted to the subject. There is no claim here for completeness or any judgment of comparative quality. It is only an attempt to give some examples, beyond those already mentioned, of works by American and British people who set down their impressions and opinions about Russia and its people. This list can only give the equivalent of a photographic snapshot; nevertheless, a snapshot is sometimes useful in getting a view, partial though it may be, of a given subject. Among the earlier books in the 20th Century, American students made extensive use of Dmitry Mirsky's famous account of Russian Literature, seen through the eyes of a very cultivated Russian Literary Historian, a man with classically high taste ¹⁰. G.T. Robinson's account of rural Russia under the Old Regime is an attempt to deal with the peasantry, a huge part of the pre-Revolutionary reality ¹¹. Likewise, an attempt to understand the Russian Peasantry is the object of books by M. Lewin, widely read by students of previous generations ¹². Somewhat later came a book by Nicholas Riasanovsky, covering the entire history of Russia from Kievan Times to the middle of the 19th Century ¹³. It is a rare American student of Russian History who has not encountered and studied this book, or some of its parts.

¹⁰ Mirsky D. S. *A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1900* : in 2 vols. (1926, 1927) ; repr. Knopf (1958), Northwestern University Press (1999).

¹¹ Robinson G. T. *Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and Prologue to the Peasant Revolution of 1917*. Berkley, CA ; Los Angeles : University of California Press, 1969.

¹² Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power; a Study of Collectivization*. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1968.

¹³ Riasanovsky N. *A History of Russia*. N. Y. : Oxford University Press, 1963.

Somewhat parallel to the above work, and a bit earlier, is the work by George Vernadsky, which was often a standard assignment for students in the period after World War Two. It was also a general history of Russia ¹⁴. Still later, in the 1970's, came two well known books of impressions of Russians in Soviet Society. Both of them were written by men who were primarily journalists, and who had a reasonably good command of direct Soviet experience. One was Robert Kaiser ¹⁵, and the other was Hedrick Smith ¹⁶. Both of them tried to take an understanding view of their subject, not too heavily tainted with propagandistic intents. Both volumes were very popular among readers at that time. Over this same period, and continuing to the present time, we read the work of David Joravsky, a highly intelligent observer and interpreter of General European Intellectual History. His early book on the Lysenko Affair and his later work on Soviet Psychology made a deep and wide impression among fellow scholars and among some general readers ¹⁷. Likewise, the book by John Bushnell on Moscow Graffiti investigated the interesting and significant phenomenon of popular culture in Russia ¹⁸. Among contemporary observers of the Russian scene there are two very sensitive and knowledgeable analysts, both of them in the New York Area and connected with influential and widely read periodicals: Sergei Schmemman of "The New York Times", and David Remnick, editor of the highly respected magazine, "The New Yorker".

As the reader can see from this chapter, no small amount of American intellectual and emotional energy has been expended in

¹⁴ Vernadsky G. A History of Russia. New rev. ed. New Haven : Yale University Press, 1961 (1st ed. see: Vernadsky G. A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1929).

¹⁵ Kaiser R. G. Russia : the People and the Power. Harmondsworth ; N. Y. : Penguin, 1977.

¹⁶ Smith H. The Russians. N. Y. : Quadrangle : New York Times Book Co., 1976.

¹⁷ Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1970 ; Idem. Russian Psychology: a Critical History. Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA : Blackwell, 1989.

¹⁸ Bushnell J. Moscow Graffiti: Language and Subculture. Boston : Unwin Hyman, 1990.

attempts to present and understand the complex and widely flung realities of Russian History, Culture, and Life. I don't know to what extent we have kept in mind Robert Burns' sage and bemused advice: "O would some pow'r the giftee gi'e us, To see ourselves as others see us – T'would from many a foolish idea free us, And notion – And sometimes, e'en devotion." The Scottish Poet had in mind the piously praying lady who didn't know that an insect, a louse, was climbing up the back of her blouse. We can perhaps apply, and urge others to apply, his wise words in a somewhat broader context.

В.И. Журавлева, И.И. Курилла

**«НЕ РАЗЖИГАТЬ ВРАЖДУ,
А СПОСОБСТВОВАТЬ
ВЗАИМОПОНИМАНИЮ
МЕЖДУ НАРОДАМИ».
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
БОЛХОВИТИНОВА,
ЧЕЛОВЕКА И УЧЕНОГО ¹**

Victoria I. Zhuravleva, Ivan I. Kurilla. “Not to foment enmity, but to promote better understanding between peoples”. In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolkhovitinov, a Person and a Scholar.

The article is devoted to the memory of Nikolai Bolkhovitinov (1930–2008), the leading authority in the field of the history of Russian-US relations and the head of the school of American studies in Russia. His impact on the study of international relations and US foreign policy in Russia is analyzed; his major achievements assessed. With his numerous monographs, founded on the extensive use of sources from many archives in different countries, academician Bolkhovitinov set the stage for the new generations of historians in both countries who entered the field in the recent decades. Authors also emphasize his intention to promote mutual understanding between Soviet Union and the United States in the most freezing periods of the Cold War. Bolkhovitinov’s academic thoroughness, his high standards of historian’s work have impelled his disciples to pursue the best models of scholarship.

1 октября 2008 г. ушел из жизни Николай Николаевич Болховитинов – человек, чье имя хорошо известно по обе стороны

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ НШ-3040.2006.6 «Северная Америка и ее отношения с Россией».

Атлантики всем, кто занимается или просто интересуется прошлым и настоящим взаимоотношений России и Соединенных Штатов Америки.

Академик Н.Н. Болховитинов – американист и признанный исследователь российско-американских отношений, с 1992 г. возглавлявший Центр североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, был представителем блестящей плеяды ученых России, продолжавших лучшие традиции отечественной исторической науки и отличавшихся научной эрудицией и добро-совестностью, кропотливым изучением архивных источников, честностью и космополитизмом исследовательской и человеческой позиции, наконец, готовностью к диалогу как с маститыми коллегами по цеху, так и с начинающими исследователями².

В 1953 г. Николай Николаевич окончил историко-международный факультет МГИМО, где он слушал лекции и посещал семинарские классы Е.В. Тарле, Л.В. Черепнина, А.В. Ефимова, Л.И. Зубока и Н.Н. Иноземцева. Именно Алексей Владимирович Ефимов, чьи лекции, по признанию самого Болховитинова, оказали на него наибольшее влияние, посоветовал студенту взять в качестве темы дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации анализ доктрины Монро, с изучения которой началось формирование Болховитинова как исследователя-американиста³. Год окончания института совпал с началом нового этапа в развитии страны, что для историка стало возможностью выбора необычной темы.

В годы «холодной войны» исследование доктрины Монро, с одной стороны, вписывалось в то направление в советской науке, которое условно можно назвать «изучением врага»; с другой – история XIX в. оставляла ученому простор для научного поиска.

² Библиографию трудов Н.Н. Болховитинова, литературы о его жизни и публикациях, а также рецензий на его работы см.: Николай Николаевич Болховитинов // Исторические науки. Вып. 22. М., 2002. (Сер. «Материалы к библиографии ученых»).

³ Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historian // Journal of American Studies. 1980. Vol. 14, № 1. P. 108–109.

Данной проблематике была посвящена первая монография Н.Н. Болховитинова, написанная на основе текста кандидатской диссертации и опубликованная в 1959 году. В ней автор сосредоточил внимание на выяснении причин, вызвавших к жизни документ, который стал обоснованием первой внешнеполитической концепции США. Молодой историк выступил с критикой тезиса о чисто «альтруистическом» характере доктрины Монро и о существовании реальной угрозы интервенции Священного союза, акцентировав внимание на том, что на Северо-Западе Америки сталкивались экспансионистские устремления Соединенных Штатов, Российской империи и Великобритании⁴. Так наметилось видение, уточненное Н.Н. Болховитиновым в последующих работах, где доктрина Монро была представлена документом с «двойным дном», явлением сложным и противоречивым, ибо в нем прогрессивные тенденции (идея невмешательства и запрещения дальнейшей колонизации американских континентов европейскими державами) сочетались со стремлением к экспансии и политике «свободы рук» США в Западном полушарии⁵. Монография Н.Н. Болховитинова вызвала неподдельный интерес в Соединенных Штатах Америки; с того момента американские историки признавали советского автора как своего коллегу.

Сам Николай Николаевич всегда внимательно следил за дебатами в большом и активном историческом цехе США, читал ведущие американские журналы и публиковал в них свои статьи. Именно это дало ему возможность оставаться ведущим авторитетом в России по современному состоянию американской исторической науки. В 1980 г. вышла монография Болховитинова, посвященная узловым моментам истории США Нового времени и характеристике современной историографии⁶, в которой истори-

⁴ Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: происхождение и характер. М., 1959.

⁵ История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1994. С. 154–156.

⁶ Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

ографический анализ и подведение определенных итогов развития отечественной американистики сочетались с дискуссионной постановкой центральных проблем истории США XVII–XIX вв., таких как особенности жизни колониального общества, характер и периодизация Американской революции, особенности экономической модернизации, специфика развития Соединенных Штатов в «Эру Джексона», причины, характер и последствия Гражданской войны и Реконструкции. Причем по всем вышеназванным сюжетам исследователь высказывал оригинальные суждения и мысли, пусть и не всегда в одинаковой степени аргументированные, но неизменно стимулировавшие дальнейшие исследования в области изучения истории Соединенных Штатов. В данной работе в полной мере проявился подход, ставший отличительной особенностью изысканий Николая Николаевича в области американистики в целом – стремление вписать происходившие в США процессы в общую канву эволюции Западной цивилизации, готовность к дискуссии с американскими коллегами, представлявшими различные историографические школы, умение отказаться от односторонних оценок исторического прошлого США в условиях жесткого идеологического давления. Не со всеми положениями работы Болховитинова можно согласиться в настоящее время. Например, вызывает серьезное возражение его стремление к «универсализации» промышленного переворота в США и «национализации» процесса индустриализации конца XIX в., повышенное внимание к трудам радикальных американских историков в то время, когда в западной историографии уже в полной мере ощущались итоги историографической революции и возникла «новая историческая наука», сочетание новаторской установки на расширение хронологических рамок Американской революции путем включения в нее конституционного периода 1783–1787 гг. и в то же время стремления свести дебаты при выработке федеральной конституции к вопросу о рабстве. Однако при этом поражает научная эрудиция автора, его блестящее знание историографии, умение генерировать оригинальные идеи буквально по всем аспектам истории США Нового времени и намечать направления

дальнейших исследований. Это также станет отличительной особенностью публикаций Болховитинова по американистике. Книга 1980 г. стала серьезным рубежом в развитии советской американистики, наметив направления ее дальнейшего развития.

Значение его монографий и историографических статей, посвященных изучению истории США XVII–XIX вв., имело особое значение еще и потому, что они способствовали развитию американистики в высшей школе. Не будучи учебниками и учебными пособиями в прямом смысле этого слова, его работы неизменно входили в списки литературы, рекомендованные студентам, способствовали подготовке лекционных курсов по американистике в то время, когда вузы переходили к проблемному чтению лекций, служили ориентирами для разработки тематики дипломных работ и кандидатских диссертаций.

Н.Н. Болховитинов был исследователем, находящимся в непрерывном интеллектуальном движении. Он не просто намечал актуальные направления исследований с учетом собственных изысканий, работ российских и зарубежных историков, но и сам начинал разрабатывать новые проблемы с учетом перспективных направлений, расширял и уточнял ранее изученные им сюжеты, продолжал следить за публикациями коллег по цеху. Поэтому уже вскоре после появления монографии «США: проблемы истории и современная историография» под его редакцией вышел реферативный сборник, нацеленный на анализ работ представителей «новой политической» истории в Соединенных Штатах, и серия историографических статей, предлагавших профессиональную оценку последних достижений американских историков ⁷.

Развернутой характеристике итогов развития американистики была посвящен и специальный раздел по историографии, подготов-

⁷ «Новая политическая» история в США: анализ концепций и методов : реф. сб. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1985 ; Болховитинов Н. Н. Новые тенденции в историографии ранней американской истории // Новая и новейшая история. 1986. № 3. С. 173–178 ; его же. Основные и этапы и направления развития американской историографии внешней политики США // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 66–80 и др.

ленный академиком Болховитиновым для первого тома «Истории США», охватывавшего период с 1607 по 1877 год. Причем исследователь не сосредоточивается исключительно на критике различных концепций историков Соединенных Штатов. Он акцентирует внимание на положительных моментах, которые могут быть восприняты отечественной американистикой. Ведь ей так не хватало многообразия методов и подходов, здорового ревизионизма и готовности к расширению проблематики. Это сочетание критики, скептицизма и готовности к конструктивному диалогу вообще отличало многочисленные историографические публикации Николая Николаевича.

Если говорить о первом томе «Истории США» в целом, то вклад Болховитинова в его подготовку сложно переоценить. Он был редактором издания, автором введения и заключения, главы VI «Основные тенденции социально-экономического развития (конец XVIII в. – 1860 г.), главы VIII «От «Эры доброго согласия» к «джексоновской демократии» (1816–1841)», главы XV «Русско-американские культурные связи», параграфа, посвященного характеристике международных отношений и англо-американской войны 1812 г., и в соавторстве с Т.В. Алентьевой параграфа об образовании республиканской партии и назревании конфликта между Севером и Югом накануне Гражданской войны. Первый том стал свидетельством реальных успехов отечественной американистики, что позволило создать обобщающую работу качественно иного уровня по сравнению с «Очерками новой и новейшей истории США» 1960 г. В то же время в нем проявилось и отставание советской науки от достижений историографической революции на Западе. В работе явно не хватает представлений о населении Ранней Америки в единстве его социальных и культурных взаимодействий на микро- и макроуровне; новой периодизации истории Американской революции, предполагавшей включение периода 1783–1787 гг. в рамки революционного процесса с целью подчеркнуть динамику его развития по нарастающей и своеобразии того эксперимента, который американцы затеяли в конце XVIII в.; размышлений по проблемам синтеза культур, рас и этносов; анализа особенностей формирования южного общества и общества фронта, национальных традиций и национального характера;

при рассмотрении политических процессов ощущается отсутствие комплексного подхода к истории федеральных выборов и политических партий; наконец, практически выпала религиозная составляющая истории США, принципиально значимая для осмысления американского образа жизни и стиля мышления, особенностей того, что получило название американской модели развития. При этом сохранялся явный перекос в сторону социальных движений, в целом характерный для отечественной американистики, развивавшейся в рамках марксистской парадигмы изучения истории.

Однако обо всем этом хорошо судить в начале XXI в., после окончания «холодной войны», с учетом нового уровня исторического знания и расширившегося взаимодействия между представителями академических сообществ двух стран. Для своего времени первый том четырехтомной истории США, несмотря на присущие ему недостатки, стал реальным достижением и стимулировал процесс развития американистики как научного направления и образовательной программы. И в этом огромная заслуга его редактора Н.Н. Болховитинова, который, еще не являясь в то время заведующим отделом истории США и Канады Института всеобщей истории РАН (1988–1992), сумел консолидировать работу авторского коллектива и подготовить том, по общему признанию, ставший лучшим в четырехтомной серии. Он не потерял своего научного значения до сих пор еще и потому, что нового обобщающего издания, несмотря на давнюю постановку вопроса ⁸, в России пока не появилось. Первый том по-прежнему широко используется в учебном процессе, предлагая комплексную и многоплановую характеристику процессов, происходивших в США в XVII–XIX вв., к нему неизменно обращаются преподаватели, студенты и начинающие исследователи ⁹.

Н.Н. Болховитинов не только одним из первых отечественных американистов начал последовательно отстаивать новую периодизацию Американской революции, расширив ее историю до

⁸ Об этом подробнее см.: Журавлева В. И., Курилла И. И. Проблемы развития американистики в постсоветской России // Американский ежегодник, 2005. М., 2007. С. 80–93.

⁹ История США. В 4 т. Т. 1. 1607–1877. М., 1983.

1787 г.¹⁰, но и поддержал стремление к переосмыслению Французской революции, к отказу от трактовки якобинского террора как «исторической неизбежности»¹¹. Пересмотр позиций по данным вопросам стал частью того, что ознаменовало начало перестройки в российской исторической науке.

Именно Н.Н. Болховитинов на рубеже 1980–1990-х гг. выступил активным сторонником «нового мышления» в отечественной американистике, предостерегая как от сохранения догматизированного подхода, так и от излишней либерализации и идеализации истории США¹². Его опасения были не напрасны на волне всплеска американофильства в российском обществе и начавшегося в президентство Б. Клинтона очередного американского «крестового похода» за создание «Соединенных Штатов России». В нашей стране действительно происходило возникновение «новой» истории США, не менее политизированной, чем «старая».

Во введении к коллективному труду «История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877» (1994) Болховитинов писал о том, что эта работа нацелена на изучение американской истории с новых, более взвешенных и объективных позиций, на отказ от идеологем «холодной войны»¹³. В центре внимания авторского коллектива оказались

¹⁰ Болховитинов Н. Н. США: Проблемы истории и современная историография. С. 103–104.

¹¹ См. рецензию Н.Н. Болховитинова на книги В.Г. Ревуненкова по истории Французской революции: Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 187–190; см. также: Болховитинов Н. Н. Новое мышление и изучение Великой французской революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 20–39.

¹² Болховитинов Н. Н. Новое мышление и советская американистика : докл. на заседании Ученого Совета ИВИ РАН, 9 янв. 1989 г. и выступления в прениях. М., 1989; его же. Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 3–12; его же. Советская американистика: пути выхода из кризиса // Американский ежегодник, 1991. М., 1992. С. 162–176.

¹³ В 1997 г. в ЦСАИ ИВИ РАН под редакцией Г.П. Куропятника вышла следующая часть «История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918». Идея написания фундаментальной истории внешней политики Соединенных Штатов принадлежала академику Г.Н. Севостьянову.

проблемы экспансии, которые, по замыслу редактора, должны были анализироваться с учетом сложности, противоречивости, двойственности данного процесса, так как в ходе экспансии, с одной стороны, происходило распространение демократических институтов и принципов, а с другой – осуществлялось планомерное истребление индейцев, инициировались войны и захват земель. Авторы различных статей, вошедших в коллективную монографию, стремились связать внешнюю политику США с принципами свободы предпринимательства, личной инициативы, индивидуализма как черт национального характера американцев, учесть влияние технической и технологической революций на развитие внешней политики Соединенных Штатов, расширить проблемное поле ее изучения (например, за счет характеристики взаимоотношений с индейцами и различных международных контактов, несводимых к политическим) и «интернационализировать» ее источниковую базу¹⁴. Безусловно, члены авторского коллектива в различной степени реализовали намеченный замысел. Однако в итоге появился солидный, высокопрофессиональный, обобщающий труд по истории внешней политики и дипломатии США в Новое время в то время, когда на ежегодных заседаниях Ассоциации историков внешней политики США (Society for Historians of American Foreign Relations) вновь и вновь ставился (добавим, и продолжает ставиться) вопрос о необходимости уделять более пристальное внимание концу XVIII–XIX векам. Эта коллективная работа была по достоинству оценена американскими коллегами, несмотря на критику в адрес отдельных авторов¹⁵, и заняла прочное место в университетских курсах по американистике и истории международных отношений.

Такая же судьба была уготована и еще одной коллективной монографии, также изданной в Центре североамериканских исследований ИВИ РАН под редакцией Н.Н. Болховитинова – «Американская цивилизация как исторический феномен»¹⁶. В ней на осно-

¹⁴ История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. С. 5–10.

¹⁵ Hartgrove J. D. Istorii Vneshnei Politiki I Diplomatii SShA, 1775–1877 // The Journal of American History. 1995. Vol. 82, № 3. P. 1190–1191.

¹⁶ Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М., 2001.

ве цивилизационного подхода представлены саморепрезентации американцев, связанные с поиском их национальной идентичности и формирующие представления об особенностях американской модели развития, а также показана специфика восприятия образа Соединенных Штатов по обе стороны Атлантики. Можно, конечно, говорить об определенной сюжетной мозаичности, о проблемно-тематических и хронологических лакунах, как в собственно «американской части», так и в имагологическом разделе, о необходимости «интернационализации» авторского коллектива. Однако коллективный труд, бесспорно, стал свидетельством той перестройки в американистике, к которой Николай Николаевич призывал в своих выступлениях и публикациях в 1990-е гг. и был широко востребован преподавателями и студентами.

Академик Болховитинов, безусловно, был одним из признанных лидеров отечественной американистики. Однако «исследовательской любовью» всей его научной жизни оставалась история российско-американских отношений. Он посвятил этой теме несколько монографических исследований, десятки статей в отечественных и зарубежных журналах, участвовал в подготовке фундаментальных изданий документов и коллективных монографий, охватив в своих работах почти полтора века истории становления и развития взаимоотношений России и Соединенных Штатов.

Николай Николаевич начал заниматься этой историей в то время, когда она фальсифицировалась и использовалась в идеологических целях. В период «холодной войны» он разрушал представление о том, что взаимоотношениям двух стран присуща извечная враждебность, и стремился, по его собственному признанию, «строго следовать исторической правде, не разжигать ненависть и вражду, а пусть в самой малой степени содействовать сближению и взаимопониманию между народами»¹⁷.

Исследования Болховитинова отличал комплексный подход, несводимость к межгосударственным контактам, вписывание собственного видения истории взаимоотношений России и США в

¹⁷ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 6.

контексты внешней политики обеих стран и ее выстраивание с учетом эволюции систем международных отношений. Пространство его книг всегда персонифицировано, населено людьми – дипломатами и политическими деятелями, учеными и поэтами, мореходами и купцами, наконец, рядовыми американцами и русскими, принимавшими участие в открытии и изучении другой страны и другого народа. Благодаря монографиям Болховитинова прошлое российско-американских отношений переставало быть обезличенной историей процессов, превращаясь в многогранное исследование политических, общественных, экономических и культурных контактов и связей, образов и восприятий, в историю международных отношений в самом широком смысле этого слова.

Николай Николаевич реконструировал историческое прошлое, неизменно опираясь на репрезентативную источниковую базу, в которой на равных были представлены источники российского, американского, европейского происхождения. Именно эта кропотливая работа в архивах по обе стороны Атлантики позволила ему обнаруживать новые документы, значительно уточняющие и обогащающие наши представления об истории взаимоотношений правительств и народов двух стран, делающих это прошлое строго верифицированным, многоцветным, несводимым к упрощенным схемам и одномерным характеристикам. Приведем лишь несколько примеров. Благодаря своим находкам в архивах Болховитинов опроверг мнение историков США об отсутствии доказательств переписки между Б. Франклином и М.В. Ломоносовым. В итоге у истоков первых российско-американских контактов оказались имена великих ученых двух стран. Он анализировал русское периодическое издание «Дух журналов» и с присущей ему добросовестностью обратился к архивным материалам цензуры. Как следствие, Болховитинову удалось исправить господствовавшее в работах по истории журналистики мнение о реакционности данного периодического издания. Он восстановил историю сотрудничества России и США на тихоокеанском севере во второй четверти XIX в. и тем самым значительно скорректировал общую картину российско-

американских отношений, так как в историографии господствовало представление о том, что в этом регионе они сводились преимущественно к соперничеству. Он доказал, что пресса США поддержала покупку Аляски, а не была настроена против нее, и что сама продажа Аляски вовсе не являлась «воровской сделкой» представителей правительственных кругов России. Более того, русские не просто не брали взятку у американцев, а, напротив, сами платили им взятки.

Еще одной чертой исследовательского подхода Н.Н. Болховитинова стало стремление не останавливаться на достигнутом и, обращаясь к уже исследованным ранее им же самим сюжетам, расширять их источниковую базу, уточнять трактовки, смещать акценты и добавлять новые нюансы.

Наконец, в его работы по российско-американским отношениям органично вписывался анализ историографических сюжетов, которые стали важной составляющей научных интересов Николая Николаевича.

В своей первой монографии «Становление русско-американских отношений, 1775–1815» Болховитинов сказал новое слово не только о взаимоотношениях двух стран, впервые воссоздав целостную картину сорокалетнего периода их истории, но и обратил особое внимание на такие аспекты международных отношений, как позиция России в вопросе о вооруженном нейтралитете в период Войны за независимость, история мирного посредничества в связи с англо-американской войной 1812–1814 гг., реакция Российской империи на выстраивание латиноамериканского вектора внешней политики США. В этой работе исследователь открыл новые страницы исторического прошлого, подчеркнув роль Франклина и Ломоносова в становлении российско-американских отношений, уточнив тот факт, что флаг Российской империи впервые появился у причалов Новой Англии еще в период Войны за независимость, выяснив, что радищевская ода «Вольность» была написана не во время, а после этой войны, разгадав «историческую загадку» с высылкой американского путешественника Ледиарда из Сибири, инспирированную теми

лицами, которые позже вошли в руководство Российско-американской компании (РАК)¹⁸.

Позже Н.Н. Болховитинов развернул разделы своего первого монографического исследования, посвященные российско-американским отношениям в период Войны за независимость, в отдельную книгу¹⁹. Ученый основательно расширил круг источников, уточнил библиографию, составил приложение, куда вошли 14 неопубликованных донесений русских дипломатов в Лондоне и Париже в Санкт-Петербург. Именно в первой части «Русская дипломатия и война США за независимость» автор значительно расширил проблематику по сравнению с предыдущей монографией. Так привлечение дополнительного архивного материала позволило развернуть сюжет о мирном посредничестве России осенью 1780 – весной 1781 г. в отдельную тему. С учетом новых данных о русско-американской торговле более яркими красками заиграла тема ранних экономических связей России и США. И хотя во второй части монографии «Русское общество и американская революция XVIII в.» появилось не столь много дополнительных источников, как в первой, но и здесь исследователю удалось внести уточнения по поводу сибирского путешествия Джона Ледиарда, исправив курьезные ошибки американского историка Дж. Бэнкрофта, а также ввести в научный оборот письмо Б. Франклина члену Петербургской академии наук Ф.У. Эпинусу от 6 июня 1765 г., где содержалась оценка работ ученого по теории электричества и магнетизма. В совокупности две книги Н.Н. Болховитинова стали самым полным и многоаспектным исследованием данного периода в истории взаимоотношений двух стран, как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Еще одна обобщающая монография Николая Николаевича «Русско-американские отношения 1815–1832», так же как и ос-

¹⁸ Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966 (Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815. Cambridge, Mass. ; L. : Harvard university press, 1975).

¹⁹ Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775–1883. М., 1976 (Bolkhovitinov N. N. Russia and the American Revolution. Tallahassee, Fl. : Diplomatic press, 1976).

тальные работы по этой проблематике, была насыщена архивным материалом, впервые вводимым в научный оборот. Наряду с новым освещением деятельности Российско-американской компании, исследователь пересмотрел господствовавший в историографии тезис о незначительном объеме американского экспорта в Россию, представив Латинскую Америку в качестве органичной составляющей российско-американских торговых связей того периода и назвав торговлю США с Россией треугольной. Болховитинов расценивал противоречия на Северо-Западе Америки, связанные с деятельностью РАК, а также проблему урегулирования торговых конфликтов в качестве принципиально значимых факторов отношений США и России, при этом отдавая должное наличию общего врага в лице Великобритании в качестве сближающего и стимулировавшего взаимные отношения механизма. При трактовке Доктрины Монро, чему уделено немало внимания в монографии, автор подчеркивал, что она, главным образом, была направлена не против России, а против Великобритании. И, так же как в предыдущей работе, Болховитинов обращался к теме взаимовосприятия, к анализу научных, общественно-политических и литературных связей русских и американцев ²⁰.

Как и любой исследователь, он не был застрахован от неточностей и ошибок. Рецензенты делали обоснованные замечания по каждой из его монографий (например, недостаточно выверенная атрибуция портрета Ф.В. Каржавина, заявление об отсутствии в российских и зарубежных библиотеках брошюры Карла Снелла «О торговых выгодах...», вышедшей в Риге на немецком языке весной 1783 г., неточная цифра о численности индейского населения Аляски и др.). Однако, во-первых, это никогда не касалось сюжетов базовых, на основе которых Николай Николаевич выстраивал свою концепцию и делал выводы, во-вторых, он всегда был готов вновь обратиться к источникам с целью уточнить данные и исправить ошибки. Готовность к бесконечному архивному поиску ради верификации данных, формирующая ткань историческо-

²⁰ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. М., 1975.

го повествования, стала характерной особенностью научного кредо ученого в целом.

Важнейшей составляющей изысканий Н.Н. Болховитинова по российско-американским отношениям была тема Русской Америки, то есть истории русских колоний на Аляске и в Калифорнии, начавшаяся с открытия тихоокеанского севера Россией в 1730-е гг. и завершившаяся продажей Аляски в 1867 году. Николай Николаевич создал признанную в мире школу по изучению данной проблематики. Эта тема нашла яркое освещение уже в монографии «Русско-американские отношения 1815–1832», куда были введены специальные разделы о деятельности РАК, проблемах иностранной торговли в русских владениях в Америке, истории конвенции 1824 г. о торговле, мореплавании и территориальном разграничении на северо-западе континента. Причем Болховитинов оспаривал многие положения ставшей классической монографии С.Б. Окуня²¹ и существенно дополнял собранный им материал.

В 1990 г. в условиях окончания «холодной войны» и роста интереса к прошлому взаимоотношений России и США появляется новая монография Н.Н. Болховитинова, в которой история Русской Америки и продажа Аляски вписывалась в общий контекст российско-американских отношений 1834–1867 годов²². Впервые в историографии был представлен многоаспектный анализ двусторонних контактов на тихоокеанском севере в 1830–1850-е гг., включая российско-британские отношения в этом регионе, вопрос о продаже русской крепости Росс в Верхней Калифорнии, проблему американского китобойного промысла в тихоокеанских водах Российской империи. Особого внимания заслуживает вывод исследователя о том, что не конфликты, а взаимовыгодные контакты определяли взаимоотношения между РАК и предпринимателями Соединенных Штатов. В своей новой мо-

²¹ Окунь С. Б. Российско-американская компания. М. ; Л., 1939.

²² Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990 (Bolkhovitinov N. N. Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834–1867. Kingston, Ont. ; Fairbanks, Alaska : The Limestone press, 1996).

нографии Н.Н. Болховитинов уделил особое внимание вопросу о продаже Аляски, охарактеризовав дальнейшее сближение двух стран в 1853–1866 гг. и выступив с критикой утвердившегося в советской историографии тезиса об уступке Российской империей своих колониальных владений на Северо-Западе Америки вследствие экспансионистской политики США. Ученый, опираясь на репрезентативную «интернациональную» источниковую базу, убедительно показывает, сколь дружественный характер носили взаимоотношения между государствами накануне продажи Аляски, представив этот акт в качестве добровольного и призванного способствовать их дальнейшему укреплению. Воссоздав впечатляющую картину заключения договора 1867 г., Болховитинов проводит расследование «алаяскинского скандала», связанного с подкупом американских должностных лиц и журналистов российским посланником Э.А. Стеклем с целью ускорить ратификацию договора в Сенате. Сложно спорить с аргументированным выводом автора о преобладании политических мотивов при принятии царским правительством решения о продаже за столь небольшую сумму в 7,2 млн долл. территории, обладавшей огромным экономическим потенциалом (укрепление отношений с США с учетом невозможности обеспечить реальную защиту Аляски, окружение Канады – владения Великобритании, землями Североамериканской республики, открывавшаяся для России возможность сконцентрировать внимание на своих владениях в Азии). Болховитинов снабдил свою работу ценным документальным приложением, а использованный им богатый архивный материал позволил выявить утвердившиеся в исследовательской литературе неточности и ошибки в интерпретации событий, датах, цифрах.

Автору этой монографии, как и любому исследователю, можно было сделать определенные замечания. В частности, не вполне убедительным представлялся тезис о полной незащитности русских колоний в Северной Америке, а также стремление Н.Н. Болховитинова оценивать угрозу экспансии США в 1860-е гг. в этом регионе не как реальную, а как потенциальную. Авторитетный спе-

циалист по истории Русской Америки А.В. Гринев также выявил ряд неточностей в цифрах ²³. Анализ вопроса о продаже Аляски только бы выиграл от его рассмотрения в контексте международных отношений периода Гражданской войны. Впрочем, отсутствие данного аспекта можно объяснить не только тематической заостренностью монографии, но и намерением Николая Николаевича написать специальную работу, посвященную комплексному исследованию взаимоотношений двух стран в указанный период.

Его очередная монография «Россия открывает Америку» была адресована не столько специалистам, сколько широкому кругу читателей. Она была опубликована в связи с 250-летием открытия Аляски экспедицией В.И. Беринга – А.И. Чирикова и представляла открытие Нового Света как процесс длительный, в котором принимали участие не только Испания, Португалия, Англия, Голландия и Франция, но и Россия, делавшая это с Востока, со стороны Азии ²⁴. В этой книге были сведены воедино «личные открытия» исследователя в области изучения российско-американских отношений, а сам процесс открытия Америки Россией под пером Николая Николаевича превращался в захватывающий рассказ не только о создании русских поселений на американском Северо-Западе, но и в историю становления политических, торгово-экономических, научно-культурных связей между правительствами и народами двух стран.

В 1997–1999 гг. коллектив авторов под руководством академика Болховитинова осуществил масштабный проект по созданию фундаментального труда, который охватывал историю Русской Америки в целом ²⁵. Чтобы освободиться от конъюнктурной тенденциозности, авторы трехтомника стремились интегрировать многообразие архивных документов, а также учесть достижения отечественной и зарубежной историографии, включая результаты изысканий самого Николая Николаевича по данной

²³ См. рецензию А.В. Гринев в: История СССР. 1991. № 3. С. 207–208.

²⁴ Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М., 1991.

²⁵ История русской Америки, 1732–1867 : в 3 т. / под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1997–1999.

теме, причем с учетом конструктивных замечаний, высказанных рецензентами его предыдущих работ ²⁶.

Первый том существенно дополнял и уточнял представления об открытии Америки Россией и акцентировал внимание читателей на причинах возникновения РАК. В книге представлена многоаспектная история основания Русской Америки, начиная с анализа легенд о поисках северо-западных берегов Америки и характеристики экспедиций В.И. Беринга и А.И. Чирикова, М.С. Гвоздева и И. Федорова, заканчивая историей взаимоотношений царского правительства и русских промышленников, а также становления Русской православной церкви на Аляске. Книга насыщена впечатляющими портретами, не только М.С. Голикова, Г.И. Шелихова и представителей его клана, но и других русских купцов, промышленников, мореходов и первопроходцев. Итогом именно их многолетних усилий стало образование РАК. Причем эти персональные истории отнюдь не идеализированы и включают в себя, порой, нелицеприятные характеристики. Авторы показывали, как вследствие развития пушного промысла происходило торгово-экономическое освоение территорий на восточных рубежах Российской империи, как в ее состав включались новые земли и народы, какой жестокостью и каким насилием по отношению к местному населению сопровождалось действия купеческих компаний.

Большие труды замечательны не только тем, какие научные проблемы они смогли решить, но тем, какие они ставят, иногда самим умолчанием. Так, авторы трехтомника о Русской Америке не затронули важнейший аспект межцивилизационного взаимодействия русских и аборигенного населения, оставив эту проблему как перспективу дальнейшей работы специалистов в этой области. Авторский коллектив монографии не только использовал многочисленные опубликованные и неопубликованные источники российского, канадского, испанского и французского проис-

²⁶ См., например, рецензии А.И. Старцева в: История СССР. 1977. № 6. С. 189–191, а также Б.П. Полевого в: Отечественная история. 1993. № 2. С. 201–202.

хождения, но и продемонстрировал внимание к историографии, критическое и в то же время неизменно уважительное отношение к работам предшественников, к оценкам и версиям, существовавшим в научной литературе, что стало выходить из моды в писаниях отечественных историков в 1990-е гг. и что стало «визитной карточкой» исследовательского подхода Н.Н. Болховитинова. Кроме предисловия, введения и заметок об архивных источниках по Русской Америке он написал главу II «Открытие Россией Северо-Запада Америки в 1732–1741 гг.», совместно с М.С. Альперовичем главу VIII «Международные отношения на Тихоокеанском Севере во второй половине XVIII в.» и участвовал в подготовке библиографического раздела, который стал весомым итогом изучения проблемы²⁷.

Еще более масштабным оказался вклад Н.Н. Болховитинова во второй и третий тома, посвященные истории Русской Америки в период расцвета и подъема РАК, а затем и ее заката вплоть до продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 году²⁸. Авторы продолжали придерживаться подходов, выработанных при подготовке первого тома. Это касается и методологии исследования, и историографической составляющей. В центре их внимания оказались такие проблемы, как деятельность руководителей РАК и отношения ее правления с органами власти Российской империи, русскими промышленниками, местным населением и иностранными конкурентами; проникновение русских на Гавайские острова; географические и гидрографические исследования на севере Тихого Океана; деятельность Русской православной церкви в Северной Америке, оказавшей позитивное влияние на последующую духовную жизнь Аляски; оформление РАК как монопольной компании и ее роль в укреплении позиции России на тихоокеанском севере; положительные факторы российской колонизации на Северо-Западе Америки; на-

²⁷ История Русской Америки. Т. I: Основание Русской Америки. 1732–1799. М., 1997.

²⁸ Там же. Т. II: Деятельность Российско-американской компании. 1799–1825. М., 1999 ; Т. III: Русская Америка: от зенита к закату. М., 1999.

конец, причины и последствия продажи Аляски Соединенным Штатам. Стоит обратить особое внимание на три существенных момента. Во-первых, история РАК вписывалась в международный контекст, во взаимоотношения с США, Испанией, Великобританией и другими странами, выстраивалась с учетом событий Крымской войны и вывода Н.Н. Болховитинова о том, что «дальневосточное и тихоокеанское направления для России играли относительно второстепенную роль, находились в зависимости от общей политической ситуации в Европе». Во-вторых, авторы решительно отказывались от идеализации российской колониальной политики на Аляске и оценки деятельности РАК как исключительно «прогрессивной» и «гуманной». В-третьих, в коллективном труде было представлено комплексное объяснение решения Санкт-Петербурга продать Аляску, предварительное изложенное Н.Н. Болховитиновым в его более ранней монографии. Во введении к III тому он указывал как на стратегические, так и на социально-экономические причины, акцентируя внимание на стремление России, оказавшейся не в состоянии снабжать и защищать свои владения, устранить очаг возможных противоречий с США в будущем и укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, а также в районе Амура. Наряду с монографией Н.Н. Болховитинова, посвященной продаже Аляски, главы третьего тома стали ответом как некоторым российским политикам, требовавшим возвращения этой территории, так и исследователям, настаивавшим на «прогрессивности» русской колонизации Северной Америки и необходимости пересмотра линии 1867 г., когда на основании договора завершилось формирование тихоокеанской границы двух великих держав, остающейся неизменной вплоть до настоящего времени.

Трехтомное издание «История Русской Америки», написанное на основе разнообразных источников, насыщенное фактами, событиями, биографическим и библиографическим материалом, снабженное иллюстрациями и картами, существенно обогатило представления о прошлом взаимоотношений двух стран на тихо-

океанском севере, объединив усилия ведущих ученых, занимающихся данной проблематикой, наметив перспективы дальнейших исследований и став логическим завершением изысканий самого Н.Н. Болховитинова по истории Русской Америки. Положительные отклики, появившиеся в ведущих исторических журналах по обе стороны Атлантики, могут рассматриваться в качестве прекрасной иллюстрации того, сколь успешным и плодотворным оказалось задуманное им издание.

Отдельным направлением исследовательской работы Николая Николаевича стало издание архивных документов. В 1960–1970-х гг. в качестве одного из составителей, авторов комментариев и членов редколлегии он принимал участие в подготовке документальной многотомной публикации, посвященной внешней политике Российской империи в XIX – начале XX века. Это позволило ученому основательно познакомиться с внешнеполитической программой царского правительства в различных регионах и прояснить один из важнейших контекстов своих исследований по российско-американским отношениям. К работе над этой документальной серией он приступил еще в 1957–1958 гг., являясь постоянным сотрудником Архива внешней политики России. Так началась планомерная деятельность Н.Н. Болховитинова по изданию первоисточников, связанных с историей российско-американских отношений, чем он не переставал заниматься на протяжении всей своей научной жизни. Он готовил публикации документов для различных научных журналов, делился информацией о своих архивных находках и посвящал их характеристике отдельные статьи и даже книги ²⁹.

Особой вехой деятельности Н.Н. Болховитинова в этой области стало участие в подготовке фундаментального сборника документов, охватывавшего период становления российско-американских отношений и вышедшего одновременно в обеих стра-

²⁹ Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984 (Bolkhovitinov N. N. Russia and the United States: Analyt. Surv. Doc. Hist. Stud / ed. and foreword by J. D. Hartgrove. Armonk, N. Y. ; L. : M.E. Sharpe Inc., 1986).

нах. Это был первый и, по общему признанию, очень удачный опыт совместной публикации документов, предпринятый историками и архивистами СССР и США ³⁰. Болховитинов входил не только в группу составителей, но и в российско-американскую редколлегию. Из 560 документов, представленных в сборнике, более половины были опубликованы ранее, в том числе в упоминавшейся выше многотомной серии «Внешняя политика России XIX и начала XX века», благодаря усилиям самого Николая Николаевича ³¹. Документы русского и американского происхождения, почерпнутые в архивах, рукописных отделах библиотек и частных коллекциях России и США вместе с ранее публиковавшимися материалами составили внушительный корпус источников официального и неофициального происхождения. Будучи снабжены научно-справочным аппаратом, схемами, картами, портретами и другими иллюстрациями, отобранные международным коллективом материалы позволили представить масштабную, красочную, многоуровневую картину становления и развития российско-американских отношений на протяжении их полувековой истории. Можно выделить пять основных сюжетных линий, вокруг которых группировались документы в сборнике. В первую очередь, в них затрагивались политические отношения между Российской империей и Соединенными Штатами: позиция России в период Войны за независимость, включая «Декларацию о вооруженном нейтралитете» и предложение о посредничестве в войне между Англией и США; установление официальных дипломатических отношений в 1809 г.; характеристика содержания российско-американских взаимоотношений в 1810–1815 гг., в которых такие негативные моменты, как их невысокая активность, сочетались с реальной позитивной динамикой, подтверждением чему служит предложение России о посредничестве в период англо-американ-

³⁰ Россия и США: становление отношений, 1765–1815 : сб. док. М., 1980. Советскую часть редколлегии возглавлял начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР чл.-кор. АН СССР С.Л. Тихвинский, а американскую – начальник Исторического отдела госдепартамента США Д.Ф. Трасск.

³¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. I–VIII. М., 1960–1972.

ской войны 1812 года. И хотя русская инициатива не получила в итоге поддержки Лондона, она подтолкнула англичан на выдвижение предложения о прямых переговорах с американцами. Кроме того, особое внимание уделяется становлению российско-американских торговых связей и обсуждению вопроса о необходимости подписания торгового договора. Его, как известно, удалось заключить лишь в 1832 году. Третьим сюжетом стала Русская Америка. Документы, вошедшие в публикацию, позволяли убедительно проиллюстрировать тезис о том, что столкновение интересов двух стран на Северо-Западе Америки не превратилось в серьезный и глубокий антагонизм. Особое место в сборнике занимают материалы, содержащие сведения о научных и культурных связях между Россией и США. И наконец, составители включили в этот фундаментальный труд немало документов, посвященных процессу взаимовосприятия, имагологии российско-американских отношений.

Сборник вызвал столь масштабный научный резонанс и на него появилось так много рецензий в Соединенных Штатах, что ИНИОН счел целесообразным подготовить их специальное издание³². Российские и американские рецензенты неизменно подчеркивали, что составленный учеными двух стран сборник документов, будучи сам по себе ярким свидетельством плодотворного диалога между представителями академических сообществ России и США, внесет важный вклад в расширения взаимопонимания и доверия между народами двух стран. А именно к этой цели стремился академик Болховитинов всю свою жизнь.

На протяжении всей своей научной карьеры Н.Н. Болховитинов был энтузиастом российско-американского академического взаимодействия и совместных международных проектов. Он не только подготовил целую серию историографических статей, посвященных изысканиям американских коллег по цеху, сам вступая с ними в заочный диалог, но и привлекал авторов из США к

³² Зарубежные рецензии на советско-американское издание документов об отношениях России и США в 1765–1815 гг. М. : ИНИОН, 1988.

сотрудничеству на страницах «Американского ежегодника», редактором которого он являлся. Одним из ярких примеров новаторского подхода к организации академического взаимодействия стало издание «Russian-American Dialogue» (1997), осуществленной Болховитиновым в сотрудничестве с авторитетными историками Соединенных Штатов Н. Солом и З. Маккинзи³³. В рамках этого проекта американские исследователи получали возможность комментировать публикации российских ученых по американистике, включенные в издание, вступая с ними в спор по проблемам изучения истории США, а российские исследователи, в свою очередь, – реагировать на замечания заокеанских коллег и обосновывать свою позицию. Совместное издание было нацелено на расширение исследовательских практик и методологических подходов отечественной американистики, переживавшей сложный период перестройки. Остается лишь выразить сожаления по поводу того, что данная публикация не получила дальнейшего развития и не превратилась в периодическую.

Николая Николаевича отличало обостренное чувство «исследовательской ответственности», стремление строго соотносить факты с источниками, выявленными им в результате кропотливой работы в архивохранилищах не только России и США, но и различных стран Европы. Поэтому любые фальсификации истории российско-американских отношений вызывали его неизменно негативную реакцию и становились поводом для академических дискуссий. Самым ярким примером стало вступление Болховитинова с критикой работ В.И. Рабиновича, посвященных жизни и деятельности Ф.В. Каржавина. Николай Николаевич, основываясь на знании источников и мнениях таких специалистов, как И.М. Полонская, С.Р. Долгова, А.И. Старцев, Ю.Я. Герчук, А.Ф. Горфункель, А.Н. Николукин, писал: «Ф.В. Каржавину не повезло в жизни. Вольнодумец, самобытный, талантливый и образованный человек, прекрасный переводчик, он не нашел достойного применения сво-

³³ Russia-American Dialogue on Cultural relations, 1776–1914 / ed. by N. N. Bolkhovitinov, N. E. Saul, R. D. McKinzie. Columbiac ; L., 1997.

им способностям ни в России, ни в Америке. Большой ущерб нанес ему и нынешний биограф, который вместо серьезного документированного анализа жизни и деятельности своего героя и его действительных достижений создал фантастический образ “искреннего друга” А.Н. Радищева, американского корреспондента Н.И. Новикова, активного участника Войны за независимость и т. д. ... Моя цель, понятно, совсем не в умалении заслуг Ф.В. Каржавина. О них я писал еще до В.И. Рабиновича, и если иметь в виду американское путешествие Ф.В. Каржавина, то с фактической стороны В.И. Рабинович ничего нового, кроме “гипотез”, путаницы, не добавил. Я призываю вернуться к строгой и точной передаче фактов»³⁴.

Завершающим исследовательским проектом академика Болховитинова стало изучение истории становления русистики в США. Этой теме он посвятил свою последнюю монографию, опубликованную в 2005 году. Возможность объективно изучать жизнь и деятельность русских эмигрантов возникла в России лишь в период перестройки, и, по справедливому замечанию Николая Николаевича, именно в это время наступил настоящий взрыв интереса к русскому зарубежью. В своей монографии он отказывал Арчибальду Кулиджу в праве считаться основоположником русистики в США, хотя и не умалял его заслуг в пробуждении интереса к России в американской исторической среде и подготовке таких видных американских славистов, как Ф.А. Голдер и Р.Дж. Кернер. По мнению Болховитинова, подлинный расцвет Russian Studies в Соединенных Штатах приходится на более поздний период и связан с именами историков-эмигрантов из России Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, М.Т. Флоринского, ставших основными героями его монографии. Кстати, напомним, что двухтомник последнего до сих пор считается в США одним из лучших учебников по истории России. Выводы Николая Николаевича совпадают с мнением одного из са-

³⁴ Болховитинов Н. Н. Был ли Ф.В. Каржавин американским «корреспондентом» Н.И. Новикова // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 170–172 ; его же. За точное и документированное освещение жизни и деятельности Ф.В. Каржавина // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 166–169. Дискуссию см.: там же. С. 159–165.

мых авторитетных американских русистов Мартина Малиа, подчеркнувшего особое значение для развития в США Russian Studies как академической дисциплины «живых контактов с русскими историками-эмигрантами», прежде всего с М.М. Карповичем³⁵. Тема, поднятая академиком Н.Н. Болховитиновым в его последней книге, многогранная и поистине бездонная. Понимая это, ученый составил не только библиографию трудов Карповича, Флоринского и Вернадского, но и описание архивных коллекций русских историков-эмигрантов в Колумбийском университете. История русистики в США имеет прямое отношение не только к изучению иммиграции и русского зарубежья³⁶, но и к пониманию советско-американских отношений в целом, к их имагологии, к реконструкции того уровня восприятия, который франко-болгарский ученый Ц. Тодоров справедливо назвал эпистемологическим (не знакомство-узнавание, а изучение-познание)³⁷, наконец, к пониманию той роли, которую учебники истории играли в процессе формирования национальной идентичности и в «педагогике патриотизма».

К сожалению, среди нереализованных замыслов Николая Николаевича осталась книга, посвященная истории российско-американских отношений в период Гражданской войны в США. Однако он подготовил ряд журнальных публикаций на эту тему³⁸. Особое место среди поднятой им проблематики занимает исследование «загадочной истории» визита русских эскадр А.А. Поповых

³⁵ Болховитинов Н. Н. Русские ученые эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 3, 13–15, 123–127.

³⁶ В этой области активно работает, например, отечественный исследователь О.В. Будницкий.

³⁷ Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other. N. Y., 1982. P. 185–186.

³⁸ См., например: Болховитинов Н. Н. Россия и начало Гражданской войны в США: По архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30–42 ; его же. Миссия Клея в Россию, 1861–1862 // Американский ежегодник, 1995. М., 1996. С. 130–146.

ва и С.С. Лесовского в Сан-Франциско и Нью-Йорк в 1863–1864 годы ³⁹. Академик Болховитинов восстановил справедливость в вопросе о том, кому принадлежало открытие истинных целей «американского вояжа» русского флота к берегам США. Он доказал, что развенчивание «романтической легенды» осуществил вовсе не Ф.А. Голдер в 1915 г. (а именно он, сделав новое прочтение «старой истории» достоянием американской научной общности, завоевал тем самым славу первооткрывателя в данном вопросе). Первыми исследователями вопроса стали авторы статей в «Морском сборнике» В. Гончаров и А. Беломор, которые еще в 1913–1914 гг., основываясь на документах российского морского министерства, рассмотрели вопрос о том, как в период восстания в Польше Россия, опасаясь военного конфликта с Англией и Францией, стремилась обезопасить себя от повторения трагедии периода Крымской войны. Царское правительство хотело превратить русские эскадры в Нью-Йорке и Сан-Франциско в грозное оружие против торгового судоходства европейских держав. Кроме того, Николай Николаевич обратил особое внимание на вклад в изучение «загадочного визита» русского флота советских исследователей и своих наставников по учебе в МГИМО Е.А. Адамова и А.В. Ефимова, а также М.М. Малкина. Болховитинов выдвигает тезис о том, что вашингтонская администрация и пресса США вовсе не заблуждались по поводу истинных целей России. Более того, ссылаясь на мнение американского историка Г.И. Кушнера и собственные изыскания, Николай Николаевич акцентирует внимание на заинтересованности президента А. Линкольна и госсекретаря У.Г. Сьюарда в поддержании представлений о России как потенциальном союзнике Соединенных Штатов в случае их столкновения с Англией и Францией. Таким образом, федеральное правительство стремилось извлечь из случайного прибытия русских кораблей прочные дипломатические выгоды для со-

³⁹ Болховитинов Н. Н. Историки в поисках истины. Визит Русского флота в США в 1863–1864 гг. // Американский ежегодник, 1994. М., 1995. С. 194–207; его же. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 195–216.

юза. Кстати, об истинных целях визита, как свидетельствует со ссылками на источники Болховитинов, писала и русская пресса того времени.

Значение исследованного им сюжета выходит далеко за пределы российско-американских отношений периода Гражданской войны. Во-первых, потому что в последние десятилетия XIX в. воспоминания «о русских кораблях в водах Америки» оставались неотъемлемой составляющей американского дискурса о России. И это, кстати сказать, способствовало поддержанию «романтической версии» в общественном сознании американцев. Во-вторых, само событие оказало влияние на американцев, бывших свидетелями прибытия эскадр и имевших то или иное отношение к визиту русского флота, сделав их русофилами и последовательными противниками происходившей на рубеже XIX–XX вв. «демонизации» образа официальной России. В-третьих, в начале XX в. в период первого кризиса в двусторонних отношениях новое прочтение истории визита русских эскадр взяли на вооружение в США те, кто хотел окончательно разрушить образ России – исторического друга. Правда, в отличие от более поздних исследователей эти первые серьезные критики «мифа о российско-американской дружбе» не смогли подкрепить свои выступления документально. В свою очередь, их оппоненты предложили дополнительную аргументацию в пользу «романтической легенды». Наконец, в-четвертых, трактовка событий периода Гражданской войны на протяжении всего XX в. выполняла роль своеобразного барометра «погоды» в советско-американских отношениях.

Жаль, что Николай Николаевич не успел подготовить очередную монографию, посвященную характеристике российско-американских отношений в 1861–1865 гг., или обобщающую работу по всему изученному им ранее периоду вплоть до 1867 года. Надо отметить, однако, что работы Н.Н. Болховитинова стали побудительным стимулом к тому, что к теме российско-американских отношений обратились и другие авторы. В Соединенных Штатах профессор Норман Сол начал свою серию монографий

на эту тему с признания Н.Н. Болховитинова своим учителем и предшественником⁴⁰. В России у Николая Николаевича также появились ученики, которые подготовили комплексные работы не только по истории и имагологии российско-американских отношений⁴¹.

Н.Н. Болховитинов не был профессиональным преподавателем. Работая большую часть жизни в системе Академии наук, он оставался «кабинетным ученым». Тем не менее, Николай Николаевич осознавал ответственность за подготовку подрастающего поколения американистов. Ученый преподавал в университетах Москвы и Симферополя, его лекционные курсы по истории США и российско-американских отношений, прочитанные в начале 1990-х гг. в Российском государственном гуманитарном университете, способствовали становлению американистики в РГГУ как научно-образовательной программы. Особый вклад Н.Н. Болховитинов внес в развитие американистики в Волгограде. Его поддержка молодого центра американских исследований, личное участие в первой конференции американистов в Волгограде в 1997 г. стали решающим фактором в институционализации центра, в привлечении к нему внимания и притока студентов. В свой последний приезд в Волгоград в 2006 г. академик Болховитинов мог с гордостью отметить, что Центр американских исследований ВолГУ завоевал уже широкое признание⁴². В этом – большая доля заслуги Николая Николаевича.

⁴⁰ Saul N. E. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence, Kansas, 1991 ; *idem. Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence, Kansas, 1996 ; *idem. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*, Lawrence, Kansas, 2001 ; *idem. Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941*. Lawrence, Kansas, 2006.

⁴¹ См., в частности: Курилла И. И. *Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е гг.* / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Волгоград, 2005 ; Журавлева В. И. *Понимание России в США: Образы и мифы (1881–1914)*. М. : РГГУ. (*В печати*).

⁴² Болховитинов Н. Н. *Вместо предисловия // Americana*. Вып. 8. Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию создания Центра амер. исслед. ВолГУ «Американа», г. Волгоград, 21–23 апр. 2006 г. Волгоград, 2006. С. 5.

О таком авторитете в международном академическом сообществе, каким обладал Николай Николаевич Болховитинов, может мечтать любой исследователь. Он был признанным главой созданной им школы, из которой вышло немало ученых, в настоящее время активно работающих в сфере изучения различных аспектов российско-американских отношений. Ему в одинаковой степени хорошо удавались монографии, методологические работы по американистике, исследовательские и историографические статьи, аналитические обзоры, очерки, эссе и автобиографии. Его тексты с удовольствием публиковали самые авторитетные американские и российские журналы, а его книги издавались тысячами тиражами на Родине и переводились на английский язык, становясь достоянием американского и европейского научного сообщества. Рецензенты по обе стороны Атлантики высоко оценивали его публикации. Он был членом редакционных коллегий журналов и научных обществ России и Соединенных Штатов ⁴³. В 1980 г. «Journal of American History» включил Н.Н. Болховитинова в список ведущих американистов мира, опубликовав в своем юбилейном номере автобиографию российского ученого ⁴⁴. В 1991 г. Американская историческая ассоциация присудила ему специальную премию за лучшую журнальную статью. В 1997 г. Болховитинов получил Государственную премию РФ за цикл монографий о становлении и развитии российско-американских отношений с XVIII в. по 1867 год. При этом Николай Николаевич оставался человеком скромным, не искавшим постов и наград, отзывчивым, искренне приветствовавшим достижения коллег и учеников, и, по его собственному признанию, больше всего ценившим в исследователе объективность, независимость суждений и честность ⁴⁵.

⁴³ Н.Н. Болховитинов был ответственным редактором «Американского ежегодника», в разные годы входил в редколлегии журналов: «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Русская Америка», «Исторические записки», «Americana», «Journal of American History», в консультационный совет журнала «American History and Life». Действительный член Географического общества СССР, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, иностранный член-корреспондент Исторического центра департамента Варгаса (Венесуэла).

⁴⁴ Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historian. P. 103–114.

⁴⁵ Ibid. P. 112.

Николая Николаевича отличала удивительная внутренняя свобода. И эта свобода ощущалась и в его письменных работах, и в выступлениях, и в стиле его поведения. Вот почему в годы «холодной войны» имя Болховитинова ассоциировалось в Соединенных Штатах не только с научной смелостью, но и с гражданской позицией. Свое кредо ученый охарактеризовал так: «Я сам никогда к диссидентам не принадлежал, но очень рано понял, что писать надо только то, за что в будущем не должно быть стыдно. У меня не всегда была возможность писать то, что я думаю. Но я твердо решил не писать того, чего я не хочу и что идет против моей совести»⁴⁶. Именно в этом заключался «феномен Болховитинова».

Николай Николаевич был счастливым человеком не только в научной, но и в личной жизни. Долгие годы рядом с ним находилась Людмила Антоновна – не просто любимая и любящая жена, но и друг, помощник, единомышленник. Она разделяла его взгляды, увлеченность профессией, его готовность распахнуть двери дома для учеников и коллег, попадавших в особую атмосферу домашнего уюта, доброжелательности и интеллектуальной беседы, которая создавалась и поддерживалась гармоничным союзом этих двух людей.

Приходят новые поколения историков, предлагая иные подходы и обращаясь к иным источникам. Но обойтись без изучения трудов академика Болховитинова по истории российско-американских отношений они не смогут. И не только потому, что этого требует этика исследования, но и в силу присущей Н.Н. Болховитинову научной фундаментальности и добросовестности, взвешенности оценок и аргументированности выводов, особого внимания к прописыванию контекстов, готовности проверять и перепроверять факты, формирующие ткань исторического нарратива, ничего не беря на веру и не реагируя на идеологические вызовы времени.

Именно поэтому жизнь Николая Николаевича Болховитинова как ученого будет продолжаться дальше.

⁴⁶ Болховитинов Н. Н. О «портретах историков» // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 129.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бузина

Татьяна Вячеславовна

Ph.D. (Йельский университет), доцент, зав. кафедрой европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Дессантс

Бетти

Ph.D. (Университет Калифорнии Беркли), доцент факультета истории и философии, Шиппенбургский университет (штат Пенсильвания), США.

Долуцкий

Игорь Иванович

учитель истории с 30-летним стажем, преподаватель Европейской гимназии в Москве, автор 14 учебников по российской и зарубежной истории для школ, лицеев и университетов, Москва, Россия.

Журавлева

Виктория Ивановна

к. и. н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений, руководитель программы по американистике, заместитель заведующего Отделением международных отношений, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Зверева

Галина Ивановна

д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Кубышкин

Александр Иванович

д. и. н., профессор кафедры Североамериканских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

- Курилла
Иван Иванович** д. и. н., зав. кафедрой международных отношений, регионоведения и политологии, директор Центра американских исследований «Americana» Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия.
- Макарычев
Андрей Станиславович** д. и. н., профессор, начальник научного отдела Волго-Вятской академии государственной службы, Нижний Новгород, Россия.
- Сидоров
Дмитрий** Ph.D. (Университет Миннесоты), доцент факультета географии Калифорнийского государственного университета в Лонг-Бич, США.
- Силджэк
Ана** Ph.D. (Гарвардский университет), доцент факультета истории Университета Куинз, Канада.
- Стоун
Дэвид** Ph.D. (Йельский университет), профессор истории Канзасского государственного университета, США.
- Уайл
Ирвин** профессор филологии, Северо-западный университет (штат Иллинойс), Почетный доктор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Цветков
Иван Александрович** к. и. н., доцент кафедры Североамериканских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
- Шпотов
Борис Михайлович** д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHORS

- Tatyana V. Buzina*** Ph.D. (Yale University), Associate Professor, Chair of the Department of European Languages at the Institute for Linguistics, the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Betty A. Dessants*** Ph.D. (University of California-Berkeley), Associate Professor of History at the Department of History/Philosophy, Shippensburg University (Pennsylvania), USA.
- Igor I. Dolutskii*** School teacher with 30-year experience, lecturer at the European gymnasium in Moscow, the author of 14 school, college and university textbooks on Russian and World history, Moscow, Russia.
- Alexander I. Kubyshkin*** Doctor of Sciences (History), Professor, Department of North American Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
- Ivan I. Kurilla*** Doctor of Sciences (History), Chair of the Department of International Relations, Area Studies and Political Sciences, Director of the Center for North American Studies “Americana”, Volgograd State University, Volgograd, Russia.
- Andrey S. Makarychev*** Doctor of Sciences (History), Head of the Office of Research, Volgo-Vyatskaya Academy of Civil Service, Nizhnii Novgorod, Russia.
- Boris M. Shpotov*** Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Fellow at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

- Dmitrii Sidorov*** Ph.D. (University of Minnesota), Associate Professor, Geography Department, California State University at Long Beach, USA.
- Ana Siljak*** Ph.D. (Harvard University), Assistant Professor, History Department of the Queen's University, Canada.
- David R. Stone*** PhD (Yale), Professor of History, History Department, Kansas State University, USA.
- Ivan A. Tsvetkov*** Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of North American Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
- Irwin Weil*** Ph.D. (Philology), Professor, Northwestern University (Illinois), USA, Professor Honoris Causa, the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Victoria I. Zhuravleva*** Candidate of Sciences (History), Associate Professor at the Department of World Politics and International Relations, Head of the Program of American Studies, Vice Director of the School of International Relations, the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Galina I. Zvereva*** Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of the Department of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие. (<i>В.И. Журавлева, И.И. Курилла</i>)	5
Foreword. (<i>V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla</i>)	11
<i>Журавлева В.И., Курилла И.И. (Россия)</i> Образы России на страницах американских школьных учебников истории XIX – начала XX века	16
<i>Zhuravleva V.I., Kurilla I.I. (Russia)</i> Images of Russia in American School History Textbooks in the 19th – early 20th Centuries	
<i>Арустамова А.А. (Россия)</i> Американская тема в курсе русской словесности XIX – начала XX века	68
<i>Arustamova A.A. (Russia)</i> The American Theme in a Course on the Russian Literature in the 19th – early 20th Centuries	
<i>Бузина Т.В. (Россия)</i> От скрытой непредвзятости к попытке открытой всеохватности: американская литература на страницах советских и российских учебников	83
<i>Buzina T.V. (Russia)</i> From an Effort at Objectivity to an Attempt at Total Coverage: American Literature in Soviet and Russian Textbooks	
<i>Siljak A. (USA)</i> Controversies over Nationalism: The Teaching of Russian History, 1890–1904	106
<i>Силджейк А. (США)</i> Дискуссия по вопросу о национализме: преподавание русской истории в 1890–1904 годах	

Stone D.R. (USA)

The Eastern Front in American History Textbooks:
A Glass Half-Full 141

Стоун Д.Р. (США)

Восточный фронт в американских учебниках истории:
взгляд оптимиста

Dessants B.A. (USA)

The Pedagogy of Patriotism: The Cold War as Civic Education,
1957–1964 160

Десантс Б.А. (США)

Педагогика патриотизма: «холодная война»
как элемент гражданского воспитания в 1957–1964 годах

Кубышкин А.И., Цветков И.А. (Россия)

Университетские учебники по истории США
как индикатор состояния российской американистики 181

Kubyshkin A.I., Tsvetkov I.A. (Russia)

American Studies in Russia and University Textbooks on US History

Шпотов Б.М. (Россия)

Экономика и бизнес США
в советских и постсоветских учебниках истории 207

Shpotov B.M. (Russia)

U.S. Economy and Business in Soviet and Post-Soviet History Textbooks

Долуцкий И.И. (Россия)

Д-р Джекилл и м-р Хайд:
США в советских и российских учебниках истории 230

Dolutskii I.I. (Russia)

Dr. Jekyll and Mr. Hyde:
The United States in Soviet and Russian History Textbooks

Зверева Г.И. (Россия)

Дискурс «Другого» как инструмент формирования
государственно-национальной идентичности:
образы США в современных российских учебниках истории
для высшей школы 280

Zvereva G.I. (Russia)

Discourse of the “Other” as the Vehicle for Shaping the State National Identity: USA images in Post-Soviet University Russian History Textbooks

Макарычев А.С. (Россия)

Нарративные образы США

в российских учебных текстах: концептуальное разнообразие 299

Makarychev A.S. (Russia)

Narrative Images of the United States in Russian Textbooks:

Diversity of Concepts

Сидоров Д. (USA)

Критическая популярная геополитика, визуальные образы

и конструирование регионов 315

Sidorov D. (USA)

Critical Popular Geopolitics, Visual Images, and Construction of Regions

Weil I. (USA)

The Meanderings of an Eighty Year Old American Slavist 344

Уайл И. (США)

По волнам памяти 80-летнего американского слависта

Журавлева В.И., Курилла И.И. (Россия)

«Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию

между народами». Памяти Николая Николаевича Болховитинова,

человека и ученого 370

Zhuravleva V.I., Kurilla I.I. (Russia)

“Not to foment enmity, but to promote better understanding

between peoples”. In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolkhovitinov,

a Person and a Scholar

Сведения об авторах 401

About the Authors 403

Научное издание

**Россия и США
на страницах учебников:
опыт взаимных репрезентаций**

Под редакцией В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *Т.В. Рассказова, А.А. Стародубцева*
Техническое редактирование *А.В. Шубиной*
Допечатная обработка иллюстраций *Н.А. Кашук*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 05.03 2009 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 23,7.
Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 500 экз. Заказ . «С» 54.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.